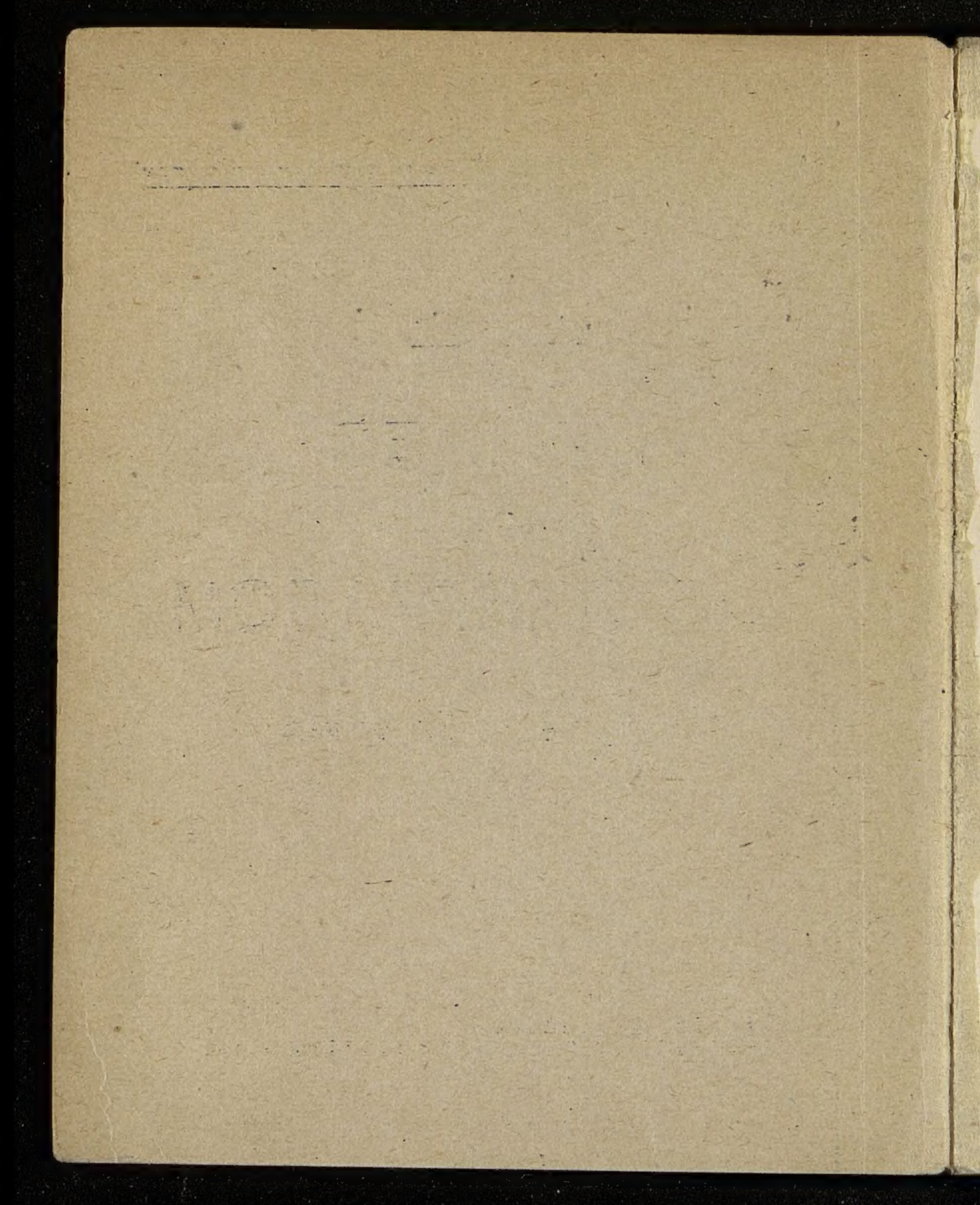
Смерть немецким оккупантам!

Разгром немцев под Сталинградом

Признания врага

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ — 1944



Смерть немецким оккупантам!

РАЗГРОМ НЕМЦЕВ ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Признания врага

Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны
1 9 4 4

Редактор *Л. И. Соловейчик*
Технический редактор *М. И. Натапов*
Корректор *М. С. Тепер*

☆

Г531861. Подписано к печати 11.3.44.
Объем 2½ п. л. 3,1 уч.-авт. л. Изд. № 91.
Заказ 1096

☆

1-я типография Управления
Военнздата НКО
имени С. К. Тимошенко

ПРЕДИСЛОВИЕ

Товарищ Сталин в своём историческом докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся совместно с партийными и общественными организациями 6 ноября 1943 года так оценил значение Сталинградской битвы:

«С чисто военной точки зрения поражение немецких войск на нашем фронте к исходу этого года было предрешено двумя важнейшими событиями: битвой под Сталинградом и битвой под Курском.

Битва под Сталинградом кончилась окружением 300-тысячной армии немцев, разгромом последней и пленением около $^1/_3$ окружённых войск. Чтобы иметь представление о размерах того невиданного в истории побоища, которое разыгралось на полях Сталинграда, необходимо знать, что по окончании Сталинградской битвы было подобрано и похоронено 147 тысяч 200 убитых немецких солдат и офицеров и 46 тысяч 700 убитых советских солдат и офицеров. Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После Сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться».

* * *

Если для советского народа, для всех свободолюбивых народов слово Сталинград обозначает начало перелома, говорит о славной победе и величайших успехах, то для фашистской Германии оно звучит похоронным колоколом, напоминает о величайшем поражении немецко-фашистской армии и предвещает глубочайшую катастрофу.

Немцы бешено рвались к Сталинграду. Одураченные гитлеровским командованием, немецкие солдаты и офицеры жили иллюзиями, что захват этого города означает конец войны. Они были уверены в своей близкой победе и назначали уже сроки падения Сталинграда. Но героическое сопротивление Красной Армии отрезвило их. Прежнее бахвальство сменилось жалобами на трудности похода, на упорство советских войск, на громадные потери. Бесчисленные письма солдат и офицеров свидетельствуют о том, что они потеряли веру в успех своего наступления на Сталинград.

Начавшееся 19 ноября 1942 года наступление Красной Армии привело их в ещё большее уныние.

Изведав в полной мере силу и стойкость советских войск в оборонительных боях, немцы были ошеломлены теперь мощью и неудержимой стремительностью наступающих частей Красной Армии.

Кратковременные надежды на помощь генерала Манштейна, посланного Гитлером на выручку своей окружённой армии, быстро рухнули.

Немцы не нашли выхода из кольца советских войск. Вместо обещанной победы под Сталинградом они получили бесславную гибель.

* * *

Велики успехи Красной Армии и советского народа в Отечественной войне с немецко-фашистскими захватчиками. Но впереди ещё много трудностей. «...было бы наивно, — говорит товарищ Сталин, — успокаиваться на достигнутых успехах. Ныне, когда Красная Армия бьёт врага за Днепром и пробивается к западным границам нашей страны, было бы особенно опасным предаться благодушию, самоуспокоенности и недооценить серьёзных трудностей предстоящей борьбы. Теперь враг с особым остервенением будет драться за каждый клочок захваченной им территории, ибо каждый шаг нашей армии вперёд приближает час расплаты с немцами за их злодеяния, совершённые ими на нашей земле.

Борьба за окончательную победу над немецко-фашистскими захватчиками потребует от армии и народа ещё больших усилий и новых подвигов».

Пример героев-сталинградцев вдохновляет нас на эти подвиги. В грядущих схватках с врагом мы будем сражаться так, как сражались славные защитники Сталинграда. Мы будем бить немецко-фашистских мерзавцев по-сталинградски, — и мы победим!

* * *

Предлагаемая вниманию нашего читателя книга содержит отрывки из писем и дневников немецких солдат и офицеров, окружённых под Сталинградом. Большая часть этих писем и дневников относится к ноябрю, декабрю 1942 года и к первой половине января 1943 года.

Публикуемые нами документы не предназначались для печати. Немецкие солдаты писали только для себя.

для своих родных и знакомых. Они не ожидали, что их письма вместе со всей полевой почтой и со сбитыми транспортными самолётами попадут в руки советских воинов.

Несмотря на страх перед свирепой военной цензурой, солдаты откровенно выражали в этих письмах своё недовольство и свой страх перед грядущим. Будучи окружены под Сталинградом, они сознавали всю безнадёжность своего положения. Они вынуждены были также признать мощь Красной Армии, непоколебимое мужество её воинов, высокое мастерство её военного руководства и совершенство стратегических планов советского командования.

В сборник включены также показания военнопленных и некоторые другие документы, захваченные в ходе боёв Красной Армией.

Материал сборника даёт немало ярких штрихов, которые в известной мере восполняют картину грандиозного разгрома немецко-фашистской армии под Сталинградом.

Сборник составлен коллективом сотрудников Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

Переводы писем выполнены Н. И. Непомнящей и И. М. Синельниковой. Сборник подготовлен к печати Л. С. Владимирской.

I

„Любой ценой захватить Сталинград!“

1. «ЕСЛИ МЫ НЕ ВОЗЬМЁМ СТАЛИНГРАД, ТО ГЕРМАНИЯ РАЗЛЕТИТСЯ ВДРЕБЕЗГИ»

«...То, что мы, против ожидания, атаковали не на центральном фронте, а у Сталинграда, объясняется тем, что я хотел в определенном месте и у определенного города достигнуть Волги... Это гигантский транзитный путь, и мы хотим им располагать...»

Из речи Гитлера 8.XI. 1942 г.

«...Боевые действия в Сталинграде продолжаются. Мы ждём с нетерпением, когда наши войска нанесут окончательный сокрушительный удар, так как Сталинград имеет для нас решающее значение...»

Из письма обер-ефрейтора Вилли Зандиг, п/п 44605, родителям. 17.XI. 1942 г.

«...У вас, наверное, под Сталинградом очень жарко, ведь за этот большой промышленный город ведутся ожесточённые бои. Но русский не может

там долго держаться, так как главный штаб хорошо знает стратегическую ценность этого города и приложит все усилия, чтобы захватить его...»

Из письма Эрнста Эман обер-ефрейтору Вильгельму Цюфле, п/п 42354. 12.XI. 1942 г.

«...Сталинград — крепкий орешек; если он падёт, это будет разрешением большой проблемы. Сталинград — это Волга, а Волга — это Россия...»

Из письма ефрейтора Людвига Ляндштейнер, п/п 47423, Гейни Берингер в Нюрнберг. 19.XI. 1942 г.

«...Теперь в центре внимания стоит Сталинград, и надо надеяться, что его падение явится поворотным пунктом в войне. Тогда кольцо вокруг Москвы и Ленинграда целиком сомкнётся, и один из этих городов падёт, пожалуй, ещё до наступления зимы...»

Из письма унтер-офицера семье Фронмюллер. 30.IX. 1942 г.

«...Наши офицеры говорят, что битва за Сталинград является решающим моментом боев 1942 года; будет эта битва выиграна — мы выиграем всю летнюю кампанию, а нет — значит, военное счастье отвернулось от нас...»

Из показаний пленного обер-лейтенанта Генриха Боберг, командира 5-й роты 134-го пехотного полка 44-й пехотной дивизии. 10.XII. 1942 г.

«...Командир батальона капитан Тотманн всегда говорил солдатам: мы должны во что бы то ни стало взять Сталинград. Если мы не возьмём Сталинград, то Германия разлетится вдребезги...»

Из показаний пленного солдата Генриха Гесс, 12-я рота 578-го пехотного полка 365-й пехотной дивизии.

2. «ЧЕРЕЗ ДВА-ТРИ ДНЯ СТАЛИНГРАД ПАДЁТ, МЫ НАДЕЕМСЯ НА ЭТО...»

«...Скоро и Сталинград будет в наших руках. В этом году нашим зимним фронтом будет Волга, где мы построим Восточный вал...»

Из письма неизвестного солдата. 10.VIII. 1942 г.

«...В начале сентября офицеры нам говорили, что через три дня Сталинград будет взят, мы этому поверили и поехали из Калача, даже не взяв белья. Мы думали, что в Сталинграде вымоемся в бане и сменим бельё...»

Из показаний Гейнера Раше. 72-й пехотный полк 15-й пехотной дивизии.

«...Мы находимся в четырёх километрах от Сталинграда. Четыре дня мы отдыхали, а затем снова наступление на Сталинград. Бои были тяжёлые, а сейчас стали ещё тяжелее. Но через два-три дня Сталинград падёт, мы надеемся на это. Мы расположились в лощине и защищаемся от воздушных налётов. Самолёты кружат над нами днём и ночью. Самое скверное вечером: небо полно русскими машинами...»

Из письма неизвестного солдата. 12.IX. 1942 г.

«...Завтра мы опять выходим на передовую, где, надеюсь, вскоре будет произведена последняя атака на оставшуюся не занятой нами часть Сталинграда, и город окончательно падёт. Но противник защищается упорно и ожесточённо...»

Из письма обер-лейтенанта Альфреда Клейн-Визенберг, п/п 08365, бабушке, баронессе Габриэле Блейлебен. 18.XI. 1942 г.

«...Наконец-то я собрался написать вам пару строк. Я ещё здоров и бодр; надеюсь, что вы тоже. Рождество 1942 года мы отпразднуем в Сталинграде...»

Из письма обер-ефрейтора Макса Нейрод, п/п 42651. 20.XI. 1942 г.

3. «ГЛАВНОЕ — УДЕРЖАТЬСЯ ЗИМОЙ»

«...После того, как мы пережили прошлую зиму со всеми её ужасами, я совсем иначе смотрю на будущее. Тогда над всеми руководящими и мыслящими людьми тяготело воспоминание о судьбе Наполеона в 1812 году. Сейчас мы подготовились по-другому. Там или здесь может быть тот или иной недостаток, но для зимы мы оснащены лучше. Это я могу сказать. Но даже если нынешняя зима будет столь же тяжёлая, как и прошлая, то нам не придётся пережить того, что мы пережили в прошлую зиму. Удар, который не мог опрокинуть нас прошлой зимой, сделал нас ещё сильнее. Всё равно, где бы ни проходила линия фронта, мы будем парировать атаки...»

Из речи Гитлера 8.XI. 1942 г.

«...В эту зиму мы удирать не будем, русский такого счастья не дождётся. У нас хорошая позиция: если Волга не замёрзнет, то у нас будет спокойно, нам не придётся бояться, что в одно прекрасное утро русский появится перед нашим блиндажом...»

Из письма ефрейтора Курта Каннеман, п/п 44845 С, брату. 19.XI. 1942 г.

«...Я уже целую неделю при штабе. Проходят дни и недели, а в ходе войны здесь, в России, почти нет изменений. Но скажу тебе одно: в этом году,

или, вернее, этой зимой, не случится того, что в прошлую; у нас стало во всех отношениях лучше. Ты себе и представить не можешь, что здесь создаётся. Какие строятся блиндажи — настоящие дома, только под землёй. На этот раз русские зимой не прорвутся. Мы приняли уже все меры...»

Из письма солдата Маттиаса Гайн, п/п 46247, жене. 20.XI. 1942 г.

«...Мы сейчас работаем не покладая рук, роем окопы на зиму и укрепляем наши позиции так, чтобы они стали неприступными, и мы были гарантированы от всяких неожиданностей. С помощью военнопленных и местных жителей всюду роют и строят, и я думаю, что к наступлению зимы у нас будут прекрасно оборудованы не только наши позиции, но и убежища для людей, лошадей и машин. А тогда пусть приходит зима; мы готовы — и неожиданности, подобные прошлогодним, исключены...»

Из письма обер-фельдфебеля Иоганнеса Буттер, п/п 08163, ефрейтору Альфреду Тирфельдер. 17.XI. 1942 г.

«...Мы всё ещё стоим в одном из предместий Сталинграда. Русский здесь, на северной окраине города, очень крепко держится и защищается упорно и ожесточённо. Впрочем, скоро и этот последний кусочек будет взят; но главное — удержаться зимой, не дать русскому прорвать северное кольцо, иначе мы опять отступим, как в прошлом году, и всё то громадное количество крови, которое было пролито за Сталинград, окажется пролитым напрасно...»

Из письма унтер-офицера Гельмута Шульце, п/п 44111, пастору Оскару Бюттнер. 19.XI. 1942 г.

4. ПОД УДАРАМИ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

«...Оснащённые самым современным оружием, русский наносит нам жесточайшие удары. Это яснее всего проявляется в боях за Сталинград. Здесь мы должны в тяжёлых боях завоёвывать каждый метр земли и приносить большие жертвы, так как русский сражается упорно и ожесточённо, до последнего вздоха...»

Из письма ефрейтора Отто Бауэр, п/п 43396 В, Герману Куге. 18.XI. 1942 г.

«...Верю вам, что война треплет нервы и что каждый с нетерпением ждёт мира, но русский слишком упрям, невообразимо упорен и настойчив. Мы делаем всё, что только можем, но русский дерётся здесь с полным презрением к смерти. Пленных мы теперь больше не берём, ибо эти субъекты до последнего дыхания стреляют из своих укрытий, блиндажей и подвалов...»

Из письма обер-ефрейтора Гейнца Хаман, п/п 13552, Эрнсту Ян. 14.XI. 1942 г.

«...Специального сообщения о том, что Сталинград пал, тебе ещё долго придётся ждать. Русские не сдаются, они сражаются до последнего человека...»

Из письма ефрейтора Адольфа Курцендорфер, п/п 08824, жене. 19.XI. 1942 г.

«...Сталинград — это ад на земле, Верден, красный Верден, с новым вооружением. Мы атакуем ежедневно. Если нам удаётся утром занять 20 метров, вечером русские отбрасывают нас обратно...»

Из письма ефрейтора Вальтера Опперман, п/п 44111, брату. 18.XI. 1942 г.

«...Со Сталинградом придётся ещё повозиться. Здесь разыгрывается величайшее сражение в мировой истории. Только что русский в течение получаса палил из многих сотен орудий. Я всё время удивляюсь, как вы могли в мировую войну выдержать так долго. На смену надежды нет. Никого больше не осталось...»

Из письма ефрейтора Герберта Ян, п/п 40886, отцу. 19.XI. 1942 г.

«...Бои за Сталинград всё ещё продолжаются, русский упорен и упрям; если не атакуем мы, то атакует он; борьба ведётся за каждый дом. Неприятно действуют бомбы, сбрасываемые ночью, и огневые налёты русских «органов». Там, где позволяет местность, русские вводят в дело также танки в таком громадном количестве, что противотанковых орудий у нас нехватает...»

Из письма капитана Л. Штегнер, п/п 40026, подполковнику Леппен. 17.XI. 1942 г.

«...Стреляют здесь русские чрезвычайно много. Русские снайперы берут на мушку всякого, кто показывается. Мы должны прыгать из воронки в воронку. Только в темноте можно чувствовать себя в безопасности от снайперов...»

Из письма старшины Вернера Гальде, п/п 43396 А, дяде. 18.XI. 1942 г.

«...Последние недели у нас было скверно, так как бои за такой город, как Сталинград, не особенно приятны. Здесь в деле участвуют ученики Сталина — бронебойщики и снайперы, это опасные, упорные враги. Они часто лежат часами на одном месте

в засаде, а если высмотрят нашего солдата, то ему, безусловно, конец. Держатся снайперы совершенно исключительно и стреляют во-всю...»

Из письма унтер-офицера А. Гем, п/п 40927, прежним сослуживцам. 18.XI. 1942 г.

«...У русского невероятное количество проклятых миномётов, их выстрела не слышишь; вдруг разрыв — и осколки летят уже во все стороны. А затем их «орган», нечто вроде нашего шестиствольного миномёта, но только он куда сильнее действует на нервы. Мне уже приходилось видеть раненых, в которых попало 30 и больше осколков. Кто не слышал «органа» и не стоял под его огнём, тот не знает России...»

Из письма ефрейтора Вилли Шульц, п/п 44845 В, Вилли Шриндт. 13.XI. 1942 г.

«...Теперь в Сталинграде разгорелись бои, подобных которым не было за весь Восточный поход. Хуже всего бои в заводских цехах и уличные бои, в которых русский — специалист; поэтому быстрое продвижение вперёд для нас невозможно. Приведу тебе пример, на основании которого ты сможешь составить себе некоторое представление о том, что здесь творится: когда мы пришли в Сталинград, нас было 140 человек, а к 1 сентября, после двухнедельных боёв, осталось только 16. Все остальные ранены или убиты. У нас нет ни одного офицера, и командование подразделением вынужден был взять на себя унтер-офицер. Из Сталинграда ежедневно вывозится в тыл до тысячи раненых. Как ты видишь, потери у нас немалые...»

Из письма солдата Генриха Мальхус, п/п 17189, ефрейтору Карлу Вейтцель. 13.XI. 1942 г.

«...Мы уже 3 недели участвуем в боях в Сталинграде и были бы рады, если бы нас на несколько дней сменили. Мы черны, как негры, не бриты, заросли грязью. Нет воды, несмотря на то, что в Волге её так много; мы не можем выходить из блиндажей днём, сейчас же начинают свистать пули, снаряд за снарядом, тяжёлые миномёты, «органы». Показываемся у берега Волги только по ночам, днём никто не может высунуть головы из своего блиндажа, иначе ему капут. На Волге большой остров, в несколько километров длины. Русские там установили свои тяжёлые орудия и беспрестанно обстреливают нас. Минуты не проходит, чтобы земля не гудела и не дрожала; иной раз кажется, что наступил конец света. Наш блиндаж трясётся так, что стены и потолок осыпаются. Ночью настоящий град бомб. Вот каков фронт под Сталинградом. Уже много наших солдат рассталось здесь со своей молодой жизнью и не увидит больше родины. Никакие бомбы не помогают, русский, как танк: его не прошибёшь...»

Из письма ефрейтора Отто Крист, п/п 43396 А, Генриху Вингерт. 19.XI. 1942 г.

«...Борьба за Сталинград ещё не кончена, а стоила жизни уже многим нашим солдатам. Каждый русский боец может уложить целое отделение. Из нашего эскадрона в 180 человек сейчас в боях участвуют только 17...»

Из письма ефрейтора Генриха Штейнтиш сослуживцу Генриху Целлер. 18.XI.1942 г.

«...Здесь, в Сталинграде, собрано много войск всякого рода. Только пехоты всюду нехватает. Когда во время атаки видишь эту жалкую кучку пехотинцев, то выть хочется. В тылу стоит тяжёлая и лёгкая артиллерия всех калибров и молчит, как убитая. Уличные, или, вернее, заводские, бои ведутся без артиллерийской подготовки. И если нам везёт, то мы продвигаемся на сто метров, если нам продолжает везти, то мы эти сто метров удерживаем, но очень часто мы вынуждены вновь отступать, и все потери убитыми и ранеными оказываются напрасными. Поражаешься, с каким легкомыслием здесь жертвуют солдатами, в то время как стальные колоссы молчат, может быть, из-за экономии боеприпасов. Русская же артиллерия таких вещей не знает, она стреляет что есть сил и вынуждает нас к бездействию. И всё ещё говорят, что русские при последнем издыхании. В таком случае Сталинград, безусловно, составляет исключение. Здесь скорее похоже на то, что у русских хорошее снабжение. Что будет зимой, одному небу известно. Здесь нас ждёт только одно: смерть или ранение. Одна надежда, что Волга в этом году не замёрзнет, иначе перспективы наши очень мрачные...»

Из письма солдата Пауля Больце, п/п 40927, родным. 18.XI. 1942 г.

«...Описать, что́ здесь происходит, невозможно. В Сталинграде сражаются все, у кого есть голова и руки, — и мужчины, и женщины...»

Из письма ефрейтора Отто Гелльман, п/п 43396 В, невесте.

5. «СТАЛИНГРАД СТАЛ МОГИЛОЙ ДЛЯ НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ»

«...Днём из-за укрытий показываться нельзя, иначе тебя подстрелят, как собаку. У русского острый и меткий глаз. Нас было когда-то 180 человек, осталось только 7. Пулемётчиков № 1 было раньше 14, теперь только двое. Новое пополнение всё из артиллеристов, которые не знакомы с пулемётом. Пора бы всему этому кончиться...»

Из письма пулеметчика Адольфа матери. 18.XI.1942 г.

«...В письме к Эльзе я назвал Сталинград красным Верденом. Такие же жертвы, какие Германия принесла под Верденом, она приносит теперь под Сталинградом, и всё-таки он ещё не в наших руках. Но будем надеяться, что русский не отбросит нас опять этой зимой, как это случилось в прошлом году под Москвой и Ленинградом... Как мне только что сообщили, генерал Роммель тоже отступает и уже оставил Тобрук, — ещё одно тяжёлое поражение. Так один удар судьбы следует за другим...»

Из письма ефрейтора Вилли Шмидт, п/п 74875 С, родителям. 14.XI. 1942 г.

«...Мы пережили ожесточённейшие бои и лишения, о которых вы даже не можете составить себе представления. В нашей батарее из 170 человек выбыло из строя 80, а для артиллерии это что-нибудь да значит. Я могу только благодарить господа-бога за то, что остался цел...»

Из письма старшины Карла М., п/п 44845 С, Эрне Руше. 14.XI. 1942 г.

«...У нас сейчас дело совсем плохо; если бы ты нас увидела, ты бы половины не узнала, а потом спросила бы: а где тот, где этот? Да, одни лежат в русской земле, другие на излечении на родине или в лазарете, некоторые лишились ног, и так далее. Плохо нам! Здесь погибает очень много народу, так как русский сражается чрезвычайно упорно...»

Из письма вахмистра Юлиуса Фершнер, п/п 08265, Эльфриде Кнопп. 16.XI. 1942 г.

«...Если бы вы имели представление о том, как быстро растёт лес крестов! Каждый день погибает много солдат, и часто думаешь: когда придёт твоя очередь? Старых солдат почти совсем не осталось. Совершенно ясно, что положение наше весьма неблагоприятно, и кто знает, что принесёт зима. Во всяком случае, ничего хорошего. Потеряв давно собственную волю, мы, как бараны, терпеливо подчиняемся ходу событий...»

Из письма унтер-офицера Рудольфа Тихль, командира 14-й роты 227-й пехотной дивизии, жене.

«...Опять прошёл день, и черти меня не забрали, я с божьей помощью жив и здоров. Да, здесь приходится благодарить бога за каждый час, что остаёшься в живых. Здесь никто не уйдёт от своей судьбы. Самое ужасное, что приходится безропотно ждать, пока наступит твой час. Либо санитарным поездом на родину, либо немедленной и страшной смертью в потусторонний мир. Лишь немногие, богом избранные счастливцы благополучно переживут войну на фронте под Сталинградом...»

Из письма солдата Пауля Вольце Марии Смуд. 18.XI. 1942 г.

«...Мы находимся под Сталинградом, где ведутся ожесточённые бои. У нас очень тяжёлые потери, кладбища растут с каждым днём. Здесь хоронят сотни солдат. Русский стреляет из «орга́нов» 36 снарядами сразу: куда они попадают, там трава больше не растёт. Русский очень силён...»

Из письма обер-ефрейтора Карла Трагодовского, п/п 40026, родителям. 21.XI. 1942 г.

«...Я был на могиле Гиллебранда из Эллерса, убитого поблизости от Сталинграда. Она находится на большом кладбище, где лежит около 300 немецких солдат. Из моей роты там тоже 18 человек. Такие большие кладбища, где погребены исключительно немецкие солдаты, встречаются чуть ли не на каждом километре вокруг Сталинграда...»

Из письма ефрейтора Августа Эндерс, п/п 41651 А, жене. 15.XI. 1942 г.

«...Здесь сущий ад. В ротах насчитывается едва по 30 человек. Ничего подобного мы ещё не переживали. К сожалению, всего я вам написать не могу. Если судьба позволит, то я вам когда-нибудь об этом расскажу. Сталинград — могила для немецких солдат. Число солдатских кладбищ растёт. Это похоже на то, что творилось в Перонне на Сомме в войну 1914—1918 гг., с той разницей, что здесь все эти солдаты погибли в боях за один только город...»

Из письма обер-ефрейтора Иозефа Цимах, п/п 27800, родителям. 20.XI. 1942 г.

6. «ВСЕХ ОТПРАВЛЯЮТ НА ПЕРЕДОВУЮ, В САМОЕ ПЕКЛО»

«...Борьба за Сталинград всё ещё продолжается. Войсковых лошадей у нас больше нет, только 30 крестьянских, и те погибают — нет фуража. Поэтому обоз расформировывается: там остаётся 6—8 человек, остальные отправляются на огневую позицию в качестве канониров, а молодые — в качестве телефонистов. Нас в батарее всего 80 человек, а было 160. Людей у нас нехватает, чтобы заткнуть бреши, — всех отправляют на передовую, в самое пекло...»

Из письма ефрейтора Иозефа Арнольд, п/п 45079 С, жене. 16.XI. 1942 г.

«...Наш батальон расформирован. Нас отправили в Сталинград. Прежние артиллеристы переобучаются на пехотинцев, зимой они будут участвовать в боях в качестве пехоты. Я работаю обучающим; сколько это продлится, неизвестно. Мы находимся километрах в 6 к северу от Сталинграда...»

Из письма унтер-офицера Генриха Тим, п/п 42908 С, родителям. 20.XI. 1942 г.

«...Лёгкий инженерный парк, к которому я принадлежал, к сожалению, расформирован, и мы распределены внутри батальона по ротам. Я в 1-й роте. При первой же атаке в нашем отделении один был убит и трое ранено...»

Из письма ефрейтора Эриха Остерман, п/п 45467, родителям. 16.XI. 1942 г.

«...В настоящее время я прохожу переподготовку. Ещё 2 недели, и нас отправят на передовую. Интересно знать, что они думают; нас здесь четыре

человека 1898 года рождения, один даже 1897, и вообрази себе четырёх стариков среди 22-летних малых. У меня просто слов нехватает. Да, Эрнст, такова славная 76-я пехотная дивизия, которая три раза упоминалась в сводке верховного командования. На старости лет нас снова превращают в молодежь...»

Из письма старшего ефрейтора Альберта Гехт, п/п 13914, Эрнсту Куммер. 18.XI.1942 г.

«...Скоро дома никого из молодёжи не останется; дойдёт до того, что будут призваны и 16-летние. Никому и во сне не снилось, что русский под Сталинградом будет держаться так долго...»

Из письма ефрейтора Оскара Вагнер, п/п 29913, родителям. 19.XI. 1942 г.

«...Теперь на передовую бросают всё наличие живой силы, и если нужны будут солдаты для другого фронта, то из России взять никого не удастся...»

Из письма солдата В. Г. Куш, п/п 03652 Г, Тейле. 16.XI. 1942 г.

7. НЕМЕЦКИЕ СОЛДАТЫ ТЕРЯЮТ ВЕРУ В ПОБЕДУ

«...Сейчас в пехоте я прохожу краткую подготовку, а затем буду отправлен на передовую, в самое пекло. Вот и докатились мы до пехоты. Этой зимой отправят туда ещё многих артиллеристов... Я не думаю, что Сталинград падёт, — русс ведь так упрям, вы себе и представить не можете...»

Из письма ефрейтора Оскара Клекнер, п/п 42908/С, Анне-Лизе Деккер. 19.XI. 1942 г.

«...Сегодня ровно три месяца боёв за Сталинград, а город всё ещё держится. Не знаешь, что и думать. Ни один человек не поверил бы этому; когда мы пришли сюда, тогда, хотя и медленно, но всё же мы продвигались вперёд. Я все время говорю, что с такими измотанными в боях частями, как наши, ничего хорошего выйти не может. Мы сыты по горло и не хотим больше. Каждый день у нас большие потери. Но здесь человек ничего не стоит. Хорошо было бы, если бы эта война кончилась, но когда? Конца не видишь. Итак, мы должны терпеть и участвовать в боях, и, как бы мы ни волновались, нам ничто не поможет. Мы только можем молиться друг за друга, чтобы снова встретиться и уже навсегда. Сколько же ещё времени мы будем рисковать своей жизнью в этой проклятой России?..»

Из письма солдата Гройбельт, п/п 40370, жене. 17.XI.1942 г.

«...Надеюсь, что скоро война всюду прекратится. Сейчас положение отвратительное. В Африке нам уже здорово всыпали. Если так будет продолжаться, то ещё немного, и с нами будет покончено...»

Из письма солдата Вильгельма Мушинг, п/п 18725, родителям. 13.XI. 1942 г.

«...В настоящее время положение очень напряжённое. Надеюсь, дела наши в Африке поправятся. Как я слышал, наши войска оккупировали всю Францию. А с русскими нам не справиться, разве только если будут применены газы...»

Из письма того же автора. 15.XI. 1942 г.

«...Хотелось бы мне знать, зачем они собираются сражаться ещё на юге, раз они опять сдали Тобрук и отступили на 160 км — разве только затем, чтоб гибли люди. Я не верю, что Сталинград падёт...»

Из письма солдата Отто Ульрих, п/п 23954, жене. 18.XI. 1942 г.

«...Почта доставляется очень плохо. Но с чем только ни приходится мириться, хорошего во всём мало. Мы всё ещё под Сталинградом и пробудем здесь зиму. Надеюсь, русский в этом году не прорвётся снова, так как, если нам придётся отступать, как в прошлом году, то дела наши будут плохи...»

Из письма ефрейтора Густава Шток, п/п 42908, жене. 20.XI.1942 г.

«...У нас с почтой очень плохо. А без почты жизнь нам здесь вдвойне тяжела, мы совершенно ничего не знаем о том, что делается на свете; у нас нет ни газет, ни радио, ничего, откуда можно было бы что-нибудь узнать. Мы делаемся тупыми идиотами; ни у кого не осталось ни следа жизнерадостности или желания жить; живём равнодушно, со дня на день, и ничему на свете не радуемся...»

Из письма ефрейтора Фридриха Билльман, п/п 14375, родным. 17 XI 1942 г.

«...Здесь продолжаются ещё ожесточённые бои, а пора было бы городу пасть, ведь борьба за него длится почти 15 недель: долгий срок. Война стоила и будет ещё стоить много крови. Всё ждешь «выстрела на родину»... Сейчас артиллеристов превращают в пехотинцев. Это письмо не должно попасть

в ненадлежащие руки. Вы ведь понимаете, что я под этим подразумеваю...»

Из письма ефрейтора Вальтера Хайбах, п/п 46890, зятю. 18.XI. 1942 г.

«...Хоть бы эта проклятая война поскорей кончилась или, по крайней мере, видно было приближение конца. Но, наоборот, с каждым днём делается всё хуже. В Африке наши отступают. Здесь русские прорываются нам в тыл; кто знает, что ещё предстоит. Господа, несущие ответственность за события, вряд ли чувствуют себя очень приятно; впрочем, у них ведь нет совести. Людей посылают на убой за идею, граничащую с безумием. Одно могу сказать: я этому не сочувствую, я выполняю свои обязанности, потому что иначе я бы погиб...»

Из письма вахмистра Опперман жене. 20.XI.1942 г.

«...Опишу вам в немногих словах мои дела и переживания. С мая по конец октября мы всё время находились в наступлении; много пережили и проделали, постоянно под угрозой смерти. До Дона война была ещё терпима. Но у предмостного укрепления на Дону русский начал наносить нам такие удары, что мы часто впадали в полнейшее отчаяние. Здесь истреблялись целые роты и батальоны, это была настоящая мясорубка, — и, несмотря на эти жертвы, мы не могли продвинуться вперёд ни на метр. После того как мы пробыли 2—3 недели на позиции у Дона, нас направили по пути наступления на Сталинград. Здесь еды было мало: пустынная местность, пересекающаяся болотами. Справа, слева и далеко впереди нас велись ожесточённые бои по всем правилам военного искусства. Снова началась битва не на жизнь, а на

смерть. Что здесь творилось и как ведётся сейчас война в Сталинграде, словами описать невозможно. Тут идёт сражение на уничтожение живой силы и техники в таких размерах, каких ещё не знал и не переживал мир. Тот, кто выберется из Сталинграда невредимым, а не останется калекой или не будет убит, может считать себя особенно счастливым и благодарить своего творца и владыку. Здесь земля как бы перепахана снарядами и танками. Все дома и ориентиры сожжены артиллерией или взорваны. Лучше не говорить родине всего. Скажу вам лишь одно: то, что в Германии называют героизмом, есть лишь величайшая бойня, и я могу сказать, что в Сталинграде я видел больше мёртвых немецких солдат, чем русских. Кладбища вырастали каждый час. Могу на основании нашего опыта сказать: Сталинград стоил больше жертв, чем весь Восточный поход с мая по сентябрь.

Война в России закончится только через несколько лет. Конца не видно. Жаль, что мы вынуждены переживать подобное время и что мы родились и существуем в такую эпоху. Пусть никто на родине не гордится тем, что их близкие, мужья, сыновья или братья сражаются в России, в пехоте. Мы стыдимся нашей жизни...»

Из письма ефрейтора Карла Мюллер. п/п 40886 Е, родителям жены. 18.XI. 1942 г.

II

Красная Армия переходит в наступление

1. ОКРУЖЁННЫЕ НЕМЕЦКИЕ ВОЙСКА ЕЩЁ НАДЕЮТСЯ НА СПАСЕНИЕ

«...Здесь очень бурно. Русские прорвали нашу оборону. Сейчас я не могу написать тебе подробнее. Ты, наверное, слышала сводку верховного командования, в которой говорится о тяжёлых боях между Волгой и Доном. Мы находимся как раз там, где это происходит...»

Из письма обер-ефрейтора Петера Креккель, п/п 15628, Визе. 20.XI.1942 г.

«...Да, русский солдат исключительно воинственен, он вновь и вновь кидается в бой и сражается до последнего. Печальная новость: русский снова собрал крупные силы и прорвался в местности, которую мы заняли...»

Из письма ефрейтора Ганса Мельхнер, п/п 44202 А, невесте. 20.XI.1942 г.

«...Последние 10 дней здесь творится чорт знает что. Но мы надеемся, что скоро нам придут на помощь. Больше я тебе не могу писать; пожалуйста, только не беспокойся, всё опять будет в порядке. Мы до сих пор ещё никогда не переживали того, что нам пришлось пережить за эти последние дни...»

Из письма солдата жене. 30.XI. 1942 г.

«...Что у нас произошло, вы, вероятно, слышали по радио. Сейчас каждый из нас переживает самые трудные дни в своей жизни. Речь идёт о жизни или смерти. Но мы все чувствуем себя бодро, так как сам фюрер обещал нам помочь. Описать вам подробнее этот ад я не в состоянии, да это только излишне взволновало бы вас...»

Из письма солдата Визингер, п/п 07906, родителям. 1.XII. 1942 г.

«...Что здесь происходит, ты знаешь из сводки верховного командования. Каково мне, ты себе представить не можешь. Не беспокойся, всё будет хорошо, мы окружены, но фюрер нас выведет отсюда...»

Из письма ефрейтора Шульц, п/п 15628, жене. 1.XII. 1942 г.

2. «НОЯБРЬ — НЕСЧАСТЛИВЫЙ МЕСЯЦ»

«...Наши прежние квартиры «сняты» русскими. В прошлое воскресенье, когда их многочисленные танки ворвались в наше местечко, мы вынуждены были удрать. Мы были окружены, 4 часа пролежали в снегу, но затем, после 10-часового марша, всё же нашли лазейку. Но на нашем новом месте тоже до-

вольно оживлённо. Русские используют пасмурную погоду. Если б только не зима! Мы находимся всё время под открытым небом — удовольствия мало. Мои одеяла у русского; где мой остальной багаж, включая бельё, я не знаю...»

Из письма ефрейтора Эрнста Глот, п/п 25719, Гансу Клаузе. 29.XI. 1942 г.

«...Мы переживаем здесь большой кризис, и неизвестно, чем он закончится. Положение в общем и целом настолько критическое, что, по моему скромному разумению, дело похоже на то, что было год тому назад под Москвой. Русские ещё не раз будут пытаться освободить Сталинград и Волгу. Мы пока непосредственно не затронуты, зато косвенно довольно сильно...»

Из письма генерал-лейтенанта фон Габленц жене. 21.XI. 1942 г.

«...Подаю весточку о себе, положение у нас очень серьёзное. Русские окружили армейский корпус, и мы сидим в мешке. В субботу нас атаковали, было много убитых и раненых. Кровь текла ручьями. Отступление было ужасным. Тяжело ранен наш командир, у нас теперь нет ни одного офицера. Мне пока везёт, но сейчас мне всё безразлично. Когда-нибудь и до меня ведь дойдёт очередь...»

Из письма унтер-офицера Георга Кригер, 631-й тяжелый артиллерийский дивизион 86-го артиллерийского полка 112-й пехотной дивизии, п/п 00704, невесте. 30.XI.1942 г.

«...Ноябрь — несчастливый месяц. На всех фронтах можно было ожидать лучшего. Надеемся, однако, что дело повернётся снова по-другому...»

Из письма старшего ветеринара, доктора Деккерт, п/п 26627, жене. 30.XI. 1942 г.

3. «САМЫЕ СТРАШНЫЕ ДНИ»

«...**21 ноября.** Сегодня снова был на наблюдательном пункте. В 8 час. отозвали: готовимся уходить. Вынуждены оставить наши прекрасные блиндажи. Слева от нас прорвались русские, 3-й батальон 131-го полка посылают на помощь. Говорят, что через три дня мы вернёмся.

1 декабря. Мы окружены. Это время, от 21.XI до 1.XII, — самые страшные дни нашей жизни. Постоянно под открытым небом, отступаем с боями. Нам всё время грозит плен. К нам на выручку отправлены три армии. Надеемся, что им удастся нас освободить. Во всяком случае, не хотелось бы мне ещё раз пережить подобные дни. Но всему приходит конец, также придёт конец и этому — тот или иной... От 3 до 4½ совершенно исключительный огневой налёт русских...

3 декабря. ...Снова вышли на позицию 2-го батальона. Убежища жуткие. Яма, полная воды, и над ней плащ-палатка.

4 декабря. День чёрных колоссов. 134-й полк и наш 1-й батальон атаковало не менее 54 танков. С 12 час. мы находились под грандиозным, невыносимым артиллерийским и миномётным обстрелом. На снегу от разрывов ложился один тёмный след за другим. Танки и пехота прорвали передний край нашей обороны и нанесли нам чувствительные потери. Один из страшнейших дней за время этого похода. Нельзя было высунуть носа из землянки, не рискуя, что тебя схватят. Распространились слухи, что Манштейн продвигается вперёд и вызволит нас. Надеюсь, этого ждать недолго.

6 декабря. Русский хочет во что бы то ни стало прорваться и засыпает нас снарядами; мы зарываемся поглубже в землю... Что мы за последнее время пережили, описать нельзя. Холод, сырость, отсутствие тёплого помещения. Холод пронизывает нас до мозга костей.

7 декабря. Ночь прошла спокойно. Видимо, русские утихомирились.

8 декабря. После затишья всегда бывает буря. Мы подвергаемся совершенно уничтожающему обстрелу. Танки прорвались. Я едва спасся. Около нашей землянки разорвался орудийный снаряд, и нас засыпало... Надеюсь, скоро подоспеет помощь.

14 декабря. Я уже часто писал: «это был самый страшный день в моей жизни», но за ним всё время следовали другие, ещё более страшные. Сегодня день, полный ужасов. Жуткий артиллерийский огонь, атака русских, танки, — всё, что душе угодно. Нас с Бамербергом и двумя солдатами откомандировали в 10-ю роту, в которой колоссальные потери...

16 декабря. ...Сижу в землянке, откуда нельзя высунуть головы, иначе по ней сейчас же стукнут. Осколки и пули так и жужжат в воздухе...

17 декабря. Наконец-то к утру мне удалось немного уснуть, но скоро опять начали сыпаться снаряды, это нас окончательно изматывает, моя землянка окаймлена следами от разрывов...»

Из дневника неизвестного артиллериста, 12-я рота 3-го батальона 131-го полка.

4. «ПРОБИЛ НАШ РОКОВОЙ ЧАС»

«...23 августа. ...Марш продолжается. Мы движемся к Сталинграду, к Волге, цели всего нашего летнего наступления. Скоро мы его захватим и тогда отойдём в тыл. О, сладкие, обольщающие нас надежды! Действительность оказалась совсем иной...

24 августа. ...Ужас охватывает меня, когда я вижу грузовики, стоящие у дорог, доверху напружённые нашими мертвецами.

4 сентября. ...К северу от нас прорвались русские, и наша 4-я батарея бросила на произвол судьбы все орудия. Нам дают приказ переменить позицию и выйти на заграждение у дороги на Сталинград. Утром я был потрясён открывшимся передо мной зрелищем. Я в первый раз увидел Волгу, медленно текущую в своём широком русле. Мы достигли нашей цели. Но Сталинград ещё в руках русских. Нам предстоят дни тяжёлых боёв.

23 ноября. Пробил наш роковой час. Русские напали на нас с тыла и отрезали нас за Доном и в Калмыцкой степи. Мост Дон — Волга повис в воздухе. Мы окружены. К вечеру получаем приказ укладываться, оставить позицию и отойти пока к Сталинграду. Значит, все жертвы, понесённые в этой борьбе, были напрасны. Лишнее снаряжение сжигается или уничтожается. Берём с собой только самое необходимое. Начальник произносит краткую речь, указывает на серьёзность положения и говорит, что от каждого требуется крайнее напряжение сил. Время от времени возникают слухи, что мы перейдём через Дон для того, чтобы прорвать окружение. Мы едем до самой ночи. Повсюду горят автомашины. После долгих блужданий мы прибыли на

один аэродром. Наше положение мы ясно себе не представляем, но надеемся, что через несколько дней всё кончится... Во всяком случае, нужно наводить экономию во всём, беречь боеприпасы, продовольствие и снаряжение. Пока на подвоз рассчитывать нельзя. Снабжение совершается только с воздуха. А в армии народу много. В последующие дни у нас было очень много хлопот с русскими самолётами, которые беспрерывно, днём и ночью, атаковали этот единственный в окружении аэродром. И при этом нужно было экономить боеприпасы! Продовольственная порция сокращается всё больше, так как виды на скорую перемену положения всё ухудшаются. Мы уже едим конину. А как, бывало, тошнило меня летом, когда я видел, как русские беженцы вырезали куски из только что погибших лошадей, валявшихся у дороги. Теперь мы дошли до такого же состояния. Часто я клянчу остатки у чужих кухонь. Иногда мне везёт. Но другие по большей части так же бедны, как и мы. Русский всюду старается сдавить кольцо окружения. Бомбардировкам нет числа...»

Из дневника унтер-офицера зенитных частей, командира орудия (бывшего студента).

5. «НИКАКИХ НАДЕЖД НА УЛУЧШЕНИЕ»

«...**22 октября.** ...Части полка выходят в направлении к Сталинграду.

23 октября. Пароль: Сталинград.

28 октября. Городище под самым Сталинградом. Здесь настоящий ад. Пикирующие бомбардировщики и артиллерия.

29 октября. Жаркий для меня день... Жуткая деятельность русской авиации.

30 октября. Ночью интенсивная деятельность авиации.

31 октября. Сегодня атака. Ад кромешный. Фельдфебель Геккель убит. Лейтенант Мисслер убит.

1 ноября. Атака началась успешно для нас, но затем мы вынуждены были отступить. Ураганный огонь русской артиллерии.

2 ноября. Ночью колоссальная деятельность авиации. Из головы не выходит мысль, что твой конец близок. Наши атаки безуспешны. Ротный старшина Лар убит.

3 ноября. Ад. Три-четыре раза атаковали завод «Красный Октябрь», ожесточённые бои, не можем продвинуться, тяжёлые потери. Ночью самолёты. Унтер-офицер Фридрих убит.

4 ноября. ...Полк истекает кровью. Наконец-то отдых от самолётов. Фельдфебель Деннигер пропал без вести.

5 ноября. Безуспешная атака. Враг стреляет изо всех орудий. К нему нет приступа.

8 ноября. Снова и снова воздушные налёты. Никто не знает, будет ли он жив через час...

9 ноября. Прямое попадание в наш блиндаж. Мы уже простились с жизнью.

13 ноября. Две дневных атаки, безуспешно.

16 ноября. Здесь будут наши зимние квартиры.

22 ноября. Плохие известия! Русский пытается нас окружить и объявил уже об этом по радио.

23 ноября. Положение делается критическим, мы в окружении. Фюрер берёт командование нашим участком. Отступление?

24 ноября. Положение обостряется. Готовимся к отступлению. Всё подготавливается к уничтожению. Мы окружены.

25 ноября. Мы должны удерживать позиции до последнего человека. Справа и слева тяжёлые бои. Что будет?

26 ноября. Положение попрежнему напряжённое.

27 ноября. Оживлённая деятельность русской авиации.

29 ноября. Снабжение становится всё более скудным. $^1/_4$ хлеба на человека...

30 ноября. ...Мы всё ещё окружены.

2 декабря. Снег, только снег. Питание пакостное. Мы всё время голодны.

3 декабря. Всё ещё в окружении...

4 декабря. Колоссальный огонь русской артиллерии...

5 декабря. Опять сильный снегопад. Что делает Манштейн? Почты не получаем, весь подвоз парализован.

6 декабря. Порции ещё сокращены...

8 декабря. С едой становится всё плачевней. Одна буханка хлеба на семь человек. Теперь придётся перейти на лошадей.

9 декабря. Всех ослабевших лошадей закалывают и съедают.

10 декабря. Голодать чертовски тяжело.

11 декабря. Никаких надежд на улучшение. Сейчас мы познали цену хлеба.

12 декабря. Сегодня я нашёл кусок старого заплесневевшего хлеба. Это было настоящее лакомство. Мы едим только один раз, когда нам раздают пищу, а затем 24 часа голодаем...»

Из дневника унтер-офицера Иозефа Шаффштейн, п/п 27547.

III

В кольце советских войск

1. НЕМЦЫ СТАРАЮТСЯ ПОДБОДРИТЬ СЕБЯ

«...Мы находимся в довольно сложном положении. Русский, оказывается, тоже умеет вести войну, это доказал великий шахматный ход, который он совершил в последние дни, причём сделал он это силами не полка и не дивизии, но значительно более крупными...»

Из письма ефрейтора Бернгарда Гебгардт, п/п 02488, жене. 30.XII. 1942 г.

«...Борьба в этом году стоила нам очень больших жертв, но всё должно быть и будет преодолено. Мы должны держаться стойко и не терять веры в Германию; принесённые жертвы делают нас только более суровыми и непобедимыми, но когда-нибудь ведь всё это кончится... Мы пытаемся не терять бодрости...»

Из письма унтер-офицера Гельмута Вендлер, 261-й пехотный полк 113-й пехотной дивизии, п/п 12532 А, жене. 31.XII. 1942 г.

«...Я — чуть ли не единственный — не утратил ещё своего оптимизма и захвачу его с собой и в

новый год. Правда, последние дни, даже часы, были для нас очень тяжёлыми. Много, слишком много наших осталось на поле битвы, и в их числе некоторые из моего ближайшего окружения. Завтра мы выступаем отсюда. Несмотря на то, что мы опять, в разгаре зимы, вынуждены покинуть наши тёплые блиндажи, не зная, что нас ждёт на новом месте, мы не теряем и не должны терять надежды на благополучный исход... Русские усвоили наш метод ведения войны, и мы попали в западню. Но, как я сказал уже, мы исполнены надежды и не отчаиваемся...»

Из письма унтер-офицера Эдуарда Цеффер, п/п 17013, жене. 31.XII. 1942 г.

«...Враг, окруживший нас и выдвинувший против нас все виды орудий, вынужден будет уступить; надеюсь, что это скоро случится. Мы сражаемся в крепости Сталинграда и тверды, как железо. Пусть русский давит со всех сторон, нас он не победит...»

Из письма ефрейтора Вильгельма Даубах, самокатная рота 57-й пехотной дивизии, п/п 24342, невесте. 1.I.1943 г.

«...Я должен откровенно признаться, что моё настроение сильно упало и главным образом потому, что приходится так жестоко голодать. До сих пор нам помогала конина, но и это время прошло. Из-за того, что машины с продовольствием застряли в снегу, мы вчера утром получили только по куску сухого хлеба, а вечером похлёбку из конины. Едва только начинаешь есть, как хлеба уже нет. О том, чтобы наесться досыта, не может быть и речи. Но какая польза от жалоб? Мы всё равно должны выдержать — и выдержим...»

Из письма ефрейтора Курта Шмидт, п/п 18869 Е, жене. 29.XII. 1942 г.

2. В ОЖИДАНИИ СВОИХ «ОСВОБОДИТЕЛЕЙ»

«...Фюрер сказал нам: «Солдаты, вы окружены. Это не ваша вина. Я применю все средства, чтобы высвободить вас из этого положения. Борьба за Сталинград достигает своего апогея. Позади тяжёлые дни, но наступают ещё более тяжёлые дни. Вы должны держаться на своих позициях до последнего человека. Пути назад больше нет. Кто покинет своё место, того постигнет вся строгость закона...»

Из показаний пленного Рудольфа Борман, унтер-офицера 4-й роты 267-го пехотного полка 94-й пехотной дивизии.

«...Наша воля к победе непоколебима, и новый год непременно принесёт нам освобождение; когда это будет, я не могу сказать. Но фюрер всегда выполняет свои обещания, так это будет и на этот раз...»

Из приказа командующего 6-й армией генерал-полковника Паулюса. 31.XII.1942 г.

«...Поставить в известность все войска о том, что ожидаются сильные и, возможно, последние атаки со стороны русских.

Мы должны их отбить. В этом — условие нашего освобождения, обещанного фюрером. Я знаю, какие трудности должен перенести каждый из нас, и знаю, насколько велики ваши усилия.

Все те, которые принадлежат к нашей дивизии, знают, что эта дивизия никогда не была битой, а, наоборот, всегда шла от одного успеха к другому.

Никогда победа не была так необходима, как в нашем теперешнем положении.

Мы знаем, что перед нами стоит решительный противник. Мы должны отбить его атаки, и мы будем это делать до тех пор, пока не пробьёт час нашего освобождения...»

Из приказа командира 297-й пехотной дивизии генерала Пфеффера. 7.I.1943 г.

«...Мы всё ещё в окружении под Сталинградом. Это ужасное время длится уже шесть недель; лишь бы оно не продлилось ещё столько же. Но всё проходит: главное, вырваться отсюда: всё обойдётся благополучно, так как сам фюрер лично взялся за это дело...»

Из письма ефрейтора Фридриха Лиро, п/п 14649 В, Гильдегарде Нейс. 31.XII.1942 г.

«...Сегодня утром нам сообщили, что наши танки прорвали кольцо. Правда ли это, я не знаю, но пора бы, иначе нам всем здесь капут. Ноги у меня страшно обморожены, я едва хожу; у многих моих товарищей то же самое, так как стоять на посту при таком холоде не простая штука. Русский атакует нас почти каждый день, а со вчерашнего утра он не даёт нам ни минуты покоя. На праздники я стоял на посту, в свободное же время обирал вшей с белья, — этого добра у нас хватает. Питание очень скудное, мы получаем одну буханку хлеба на шесть человек в день. Обед состоит из супа такого наваристого, что после него не требуется даже мыть котелок. Может быть, сейчас, когда кольцо прорвано, станет лучше. Надеюсь также, что когда мы выйдем из окружения, мы все получим отпуск. Говорят, что

на Украине для каждого солдата, находящегося в окружении, заготовлены посылки весом в шесть кило. Если это верно, мы их, надо думать, скоро получим. С продовольствием тогда опять станет лучше, а это крайне необходимо...»

Из письма ефрейтора Зигмунда Фрейс, п/п 24035, Гильде Куншек. 28.XII. 1942 г.

«...Битва между Волгой и Доном приближается постепенно к решающему моменту, и я надеюсь, что мы окажемся победителями.

Мы с середины ноября окружены, получаем очень мало еды, бродим целый день голодные, и вдобавок проклятый русский атакует нас по нескольку раз в день... Праздники кончились. Мы их и не почувствовали: они прошли, как все остальные дни. Два часа на посту, два часа свободных, затем опять на посту. В конце концов мы превратимся в идиотов. Подвоза никакого. Всё с воздуха. Говорят, что сейчас будто бы станет лучше. Кольцо, в котором мы находимся, разорвано, и нам на смену движутся новые войска. Я уже два месяца не менял белья; можешь себе поэтому представить, сколько у меня вшей. Если б ты меня сейчас увидела, ты содрогнулась бы. Но наступят и другие времена. А потери, которые мы понесли и которые мы еще понесем! Это так ужасно, что и сказать нельзя...»

Из письма обер-ефрейтора Эриха Кох, п/п 20521 Д, матери. 27.XII. 1942 г.

«...Наше положение пока еще не улучшилось, и мы продолжаем голодать; у меня часто бывают головокружения, ревматизм меня тоже мучает; време-

нами я готов на стену лезть. Вот уже два дня, как хожу каждую ночь рыть окопы... Но мы все надеемся, что нас скоро освободят и что с русским скоро будет покончено...»

Из письма ефрейтора Вальтера Герклотц, п/п 07880, жене. 31.XII. 1942 г.

«...Мы сидим здесь и ждём, чтоб вы вытащили нас из этой пакости. По твоему последнему письму предполагаю, что вас отправили из Бельгии в Россию. Прав ли я в своём предположении? По всему похоже, что наше освобождение — вопрос дней. Будем надеяться, что это так, давно пора...»

Из письма ефрейтора Людвига Вирта, 268-й пехотный полк 113-й пехотной дивизии, п/п 14758, зятю, обер-ефрейтору Венделину Вагнер, п/п 32785 А. 31.XII. 1942 г.

«Наше положение всё ещё без перемен, но мы будем держаться до последнего человека. Крепость должна быть удержана при любых обстоятельствах. Вообще мне живётся недурно. Только ревматизм в пояснице; надеюсь, что он не разыграется, так как я хотел бы участвовать в нашем марше, когда мы выйдем из окружения. Но этого, может быть, придётся ещё долго ждать...»

Из письма вахмистра Вернера Бартель, п/п 18039 А, жене. 31.XII. 1942 г.

«...Каждый день мы задаём себе вопрос: где же наши спасители, когда наступит час избавления, когда же? Не погубит ли нас до того времени русский?..»

Из письма гаупт-вахмистра Пауля Мюллер, п/п 22468, жене. 31.XII. 1942 г.

3. ГОЛОД, БОЛЕЗНИ, ХОЛОД...

«...Три врага делают нашу жизнь очень тяжелой: русские, голод, холод. Русские снайперы держат нас под постоянной угрозой...»

Из дневника ефрейтора М. Зур. 8.XII.1942 г.

«...Мы каждый день ждём освобождения, но, к сожалению, дело подвигается очень медленно. Мы испытываем все лишения: страдаем от голода, болезней, холода, но больше всего от ударов врага. Нервы сдают, как бы стойко мы ни старались держаться...»

Из письма обер-ефрейтора Антона Кемпль, п/п 18869, матери. 31.XII. 1942 г.

«...С середины ноября мы не имеем больше постоянного местопребывания, пережили много тяжелых часов и страдали от морозов. Мы уже как следует ознакомились с силой русских, проявившейся в зимнем наступлении, и много тяжёлых часов предстоит нам ещё, пока не выйдем из этого положения...»

Из письма ротного старшины Андреаса Шекк, п/п 01477, родным. 28.XII 1942 г.

«...**19 ноября.** Нас с каждым днём становится всё меньше. Чего только ни переносят наши солдаты: два часа сна, два часа на посту, и так длится уже 17 дней. Русские теснят нас. Днём мы засыпаем с винтовкой в руках, а ночью являются русские... С трёх сторон нас обстреливают. С ума можно сойти. В одном отделении осталось только четыре человека. Нельзя высунуть голову из окопов.

20 ноября. Русские над Доном. Нет ни литра бензина, чтобы удрать на автомашинах. Много ли останется от нас?

22—25 ноября. Русские танки обходят нас и атакуют с фланга и тыла. Все в панике бегут. Мы совершаем 60-километровый марш через степи. Идём в направлении на Суровикино. В 11 часов русские танки и «Катюша» атакуют нас. Все снова удирают.

6 декабря. Погода становится всё хуже. Одежда замерзает на теле. Три дня не ели, не спали. Фриц рассказывает мне подслушанный им разговор: солдаты предпочитают перебежать или сдаться в плен...»

Из дневника фельдфебеля полевой жандармерии Гельмута Мегенбург.

«...28 декабря был день, которого я никогда не забуду. Происходило что-то ужасное. В результате большие потери. Раненые и сами приходили, и их приносили, одного за другим. К сожалению, в тыл увозят лишь самых тяжело раненых, а все прочие остаются здесь, иногда в ужасных условиях. Может быть, нас завтра сменят, я был бы очень рад этому, так как с нашими немногими и большей частью больными людьми мы ни в коем случае позиции удержать не сможем. Есть роты, в которых осталось не больше пяти человек...»

Из письма ефрейтора Эриха Зейдель, п/п 13155, родителям. 31.XII. 1942 г.

«...Надеюсь, что вы все здоровы, чего обо мне сказать нельзя. Прожитые нами восемь недель не прошли для нас бесследно. Многих, которые раньше обладали хорошим здоровьем, уже нет,— они лежат в холодной русской земле. Я всё ещё не могу понять, каким образом русский смог собрать столько

войск и техники, чтобы поставить нас в такое положение, в каком мы находимся и по настоящее время. Я слышал, что в излучине Дона немецкие соединения перешли в контрнаступление с тем, чтобы освободить нас, так как долго подобной жизни мы не выдержим. Это самые тяжелые недели во всей моей 30-летней жизни. Вдобавок, я нахожусь со своим отделением на расстоянии 50—60 метров от русского. Счастье, что он здесь пока не переходит в атаку. Нам обещали, что сменят нас к празднику; затем сказали, что обязательно сделают это ещё в старом году, но всё это — одни обещания. Теперь мы хотим надеяться, что первые дни нового года принесут нам освобождение. Как вояки, мы теперь никуда не годимся...»

Из письма унтер-офицера Фрица Штрунк, 2-я рота 1-го батальона 260-го пехотного полка 113-й пехотной дивизии, п/п 04123 С, родителям. 31.XII.1942 г.

«...21 ноября мы покинули наши зимние квартиры. Сперва мы думали, что через несколько дней положение выяснится, но вот уже кончается 6-я неделя, а на улучшение ещё никаких надежд...»

1 января 1943 г. Сегодня улучшения тоже не наступило. Мы вместе со многими другими дивизиями находимся в окружении и ждём, что нас освободят. Русский всё время производит ожесточённые атаки. Наша дивизия находится, к сожалению, в самом пекле. Я тебе уже писал, сколько лишений мы испытали и продолжаем испытывать. Этого времени я никогда, никогда не забуду!..»

Из письма ефрейтора Рейнгольда Ваккер, п/п 21493, жене. 1.I. 1943 г.

«...Мы всё ещё окружены. Мы называем сейчас весь котёл — «крепость Сталинград», так как Сталинград является его центром. С 27 декабря русский снова производит очень ожесточённые атаки. Русский всё время подбрасывает новые силы и технику, и похоже, будто он намеревается уничтожить нас окончательно. 29 декабря я был с лейтенантом Шульце на передовой, у сражающихся частей. Мы не пробыли там и нескольких минут, как русский пошёл в наступление крупными силами. Начался сущий ад. На обратном пути мы с лейтенантом Шульце всё время бросались на землю; кругом рвались снаряды лёгкой и тяжёлой артиллерии, лёгких и тяжёлых миномётов, русского «органа» и авиапушек. Это был чёрный день, которого я никогда не забуду... Ожесточённые атаки продолжаются уже несколько дней. У нас, к сожалению, тяжёлые потери. Мы должны собрать все свои силы, чтобы выдержать натиск русских...»

Из письма старшего казначея Вилли Шуберт, 261-й пехотный полк 113-й пехотной дивизии, п/п 12532 А, жене. 31.XII. 1942 г.

«...Старый год приближается к концу. Только что говорил Геббельс, энтузиазма он у нас не вызвал. Уже много недель, как энтузиазма и в помине нет. Что у нас в изобилии, так это вши и бомбы...»

Из письма обер-ефрейтора Генриха Гейнеман, п/п 20845, жене. 31.XII. 1942 г.

«...То, что с нами случилось за последнее время, не надо никому рассказывать. Мы вынуждены были покинуть наши прекрасные позиции и защищаться до последнего человека. Никто не предполагал, что нам придётся ещё раз переживать такие времена. За последнее время я наблюдал жуткие кар-

тины. Ты не представляешь себе, что только может вынести человек. Шесть недель не едим досыта, завшивленные и по уши в грязи бродим мы здесь. Наша суточная порция пищи равна тому, что мы дома съедаем за завтраком. Вдобавок ещё холод... До свиданья на родине! Но когда это будет?..»

Из письма солдата Манфреда Трюэ, п/п 14649 А, родителям. 31.XII. 1942 г.

«...Что я за последнее время пережил — этого я тебе в письме сообщить не могу. Во всяком случае, я не хотел бы во второй раз пережить эти дни. Машины по возвращении из отпуска я больше не получил. У нас вскоре не будет больше автомашин. Мы стали пехотинцами. Когда я уезжал из дому, я не имел понятия, что меня здесь ожидает...»

Из письма штаб-ефрейтора Отто Теобальд, п/п 44211 В, жене. 7.I.1943 г.

«...У нас пока улучшения не наступило, питаемся всё ещё очень скудно. Вы себе и вообразить не можете, как мы ждём дня, когда опять станем получать столько хлеба, сколько нам полагается. Но пока на это никакой надежды, так как нас снабжают «Юнкерсы», а вы представляете, что значит снабжать таким образом целую армию...»

Из письма обер-ефрейтора Адольфа Прокес, 87-го артиллерийского полка 113-й пехотной дивизии, п/п 28329 Е, матери. 29 XII.1942 г.

«...С продовольствием попрежнему плохо. Печально, что у нас нет больше лошадей, которых мы могли бы съесть. Мы живем в жалких убежищах, вместо печей у нас маленькие бидоны из-под бензина. Это сегодня, завтра может быть ещё хуже

если русский вышвырнет нас отсюда, ведь он бросил против нас очень крупные силы... В конце концов каждый из нас лелеет одну мечту — убраться отсюда. Ну, будем надеяться на лучшее, худшее приходит само собой...»

Из письма унтер-офицера Гельмута Лукс, п/п 02956 В, родителям. 29.XII.1942 г.

«...Мы всё в том же положении, питание стало хуже. В течение последних двух недель наша главная пища — конина. К урезанному питанию мы уже привыкли, почти не реагируем на это, но наши силы постепенно подтачиваются, чему способствуют и здешние морозы. Мне до сих пор удалось уберечься от обмораживаний, так как я всё время провожу в блиндаже, но мои товарищи, которые находятся под открытым небом или участвуют в боях, сильно пострадали от морозов и болезней (ангина, дифтерит и т. д.). ...Сейчас нас ужасно мучают вши, только уничтожишь 30, 40, 50 этих животных, как снова они начинают ползать и кусать. Особенно ночью, когда мы лежим одетыми под одеялами, всё тело начинает зудеть. Иногда хочется содрать с себя кожу, которую я уже расчесал в кровь...»

Из письма унтер-офицера Вилли Якоб, п/п 22468, жене. 28.XII. 1942 г.

«...Сегодня для меня было бы величайшей радостью получить кусок черствого хлеба. Но даже этого у нас нет. Год тому назад мы смеялись, глядя, как русские беженцы едят дохлых лошадей, а теперь мы радуемся, когда у нас дохнет какая-нибудь лошадь!..»

Из письма обер-ефрейтора Вильгельма Бейссвенгер, п/п 28906, родителям. 31.XII. 1942 г.

«...Вчера мы получили водку. В это время мы к. к раз резали собаку, и водка явилась очень кстати. Хетти, я в общей сложности зарезал уже четырёх собак, а товарищи никак не могут наесться досыта. Однажды я подстрелил сороку и сварил её...»

Из письма солдата Отто Зехтиг, 1-я рота 1-го батальона 227-го пехотного полка 100-й легко-пехотной дивизии, п/п 10521 В, Хетти Каминской. 29.XII.1942 г.

«...У Иозефа Гросс была собака, её песенка тоже уже спета, — я не шучу...»

Из письма унтер-офицера Хуго Куне, п/п 28906 Д, 1.I. 1943 г.

«...**26 декабря.** Сегодня ради праздника сварили кошку».

Из записной книжки Вернера Клей, п/п 18212.

«...Эльза, я не хочу наводить на тебя тоску и не стану много рассказывать, но одно я тебе могу сказать: скоро я погибну от голода...»

Из письма солдата Рефферт жене. 29.XII 1942 г.

«...Над многими, которые в прошлом году и не думали о смерти, стоит сегодня деревянный крест. За этот год множество народу у нас рассталось с жизнью. В 1943 г. будет ещё хуже. Если положение не изменится и окружение не будет прорвано, то мы все погибнем от голода. Никакого просвета...»

Из письма обер-ефрейтора Георга Шнелль, п/п 16346 С, родителям. 1.I.1943 г.

4. «КОЛЬЦО СЖИМАЕТСЯ»

«...22 ноября... Целый день у Дона убийственный артиллерийский огонь. Русский прорвался в нескольких местах.

23 ноября. Ночью внезапно объявили тревогу. Мы уложили всё наше барахло и ушли. Сделали, по-моему, 60—70 км... После обеда нас невероятно обстреливали русские самолёты. Ничего подобного мы ещё не переживали. А немецких самолётов не видно ни одного. Это ли называется превосходством в воздухе?

24 ноября. Сегодня ночью мы вышли на позиции. Утром убит мой взводный командир... После обеда жуткий огонь. Наша рота потеряла половину своего состава. Русские танки разъезжают по нашей позиции, самолёты атакуют нас. У нас убитые и раненые. Это просто неописуемый ужас. Вечером стало немного спокойней.

25 ноября. Утро начинается убийственным артиллерийским и миномётным огнём. Меня вытащили из окопа, где погибла остальная часть роты. Я спасся только чудом...

26 ноября. Мы ведём постоянный огневой бой с русским. Он обкладывает нас из пушек и миномётов. В результате прямого попадания унтер-офицер Шакк и фельдфебель Войксельбергер выбывают из строя. Нас осталось в роте всего четыре человека. В окопе сейчас командиром я. Теперь русские являются даже с посаженной на танки пехотой...

4 декабря. В 12 час. ночи подъём. В 2 часа строимся. Предстоят новые бои. Я на этот раз остаюсь в обозе...

Вечером приходим в Дмитриевку (Ново-Александровский). Рота тут же вступает в бой...

6 декабря... Сегодня огласили воззвание Манштейна: «Держитесь. Помощь близка...»

7 декабря. Мы всё ещё при обозе. Утром убийственный артиллерийский огонь. В остальном всё по-старому.

10 декабря. Всё ещё остаюсь при обозе и надеюсь пробыть здесь, пока окружение не будет ликвидировано. Хороню старшего ефрейтора Штрассер.

11 декабря. Сегодня похоронили на солдатском кладбище в Дмитриевке ещё двух солдат...

15 декабря. Любопытно знать, скоро ли кончится вся эта история? Вот уже четыре недели, как мы сидим в западне.

16 декабря. Надеюсь, что нас скоро освободят и всё опять пойдёт по-старому.

17 декабря. Всё ещё при обозе. Один день не отличается от другого. Всё время голоден. Господа главные фельдфебели получают по нескольку порций, а мы ничего.

29 декабря. После обеда вдруг объявили тревогу. Нас придали 535-му полку, где русский прорвал передний край обороны. Рота удрала... Ночью мне прислали ещё трёх человек подкрепления. Это всё обозные, от них толку мало. Вечно они больны и в дело идут неохотно.

1 января 1943 г. Сегодня, в первый день нового года, все спрашивают себя: что принесёт 1943 год? Будет ли он годом мира? Или пройдёт весь в боях? Сколько времени сможем мы ещё выдержать эту гибельную войну?

3 января. На рассвете, около 4½, нас сменяют. Глупее ничего придумать не могли. Русскому всё было прекрасно видно. Во время возвращения мы попали под такой обстрел, как никогда. Русский

пустил в дело «орган», ПТО, миномёты и артиллерию. В роте опять были довольно большие потери...

10 января. Ровно в 6 час. на западе начинается жуткий ураганный огонь. Такого грохота я еще никогда не слыхал. Целый день над нами летает бесчисленное количество самолётов, сбрасывающих бомбы под гул орудий.

13 января... У меня сегодня какие-то странные предчувствия. Выйдем мы отсюда или нет?

18 января. В 23 часа рота отрывается от противника. Покидаем позицию только в 2 часа. Кольцо сжимается. Меня волнуют самые дикие мысли. Успеем ли мы уйти своевременно так, чтобы враг этого не заметил?..»

Из дневника унтер-офицера Германа Треппман, 2-й батальон 670-го пехотного полка 371-й пехотной дивизии.

5. «ВЫХОДА ИЗ КОТЛА НЕТ И НЕ БУДЕТ»

«...**19 ноября.** Германия мобилизует свои последние силы, чтобы одержать победу. Танкисты и солдаты из артиллерии проходят подготовку для службы в пехоте.

Если мы проиграем эту войну, нам отомстят за всё, что мы сделали. Тысячи русских и евреев расстреляны с жёнами и детьми под Киевом и Харьковом. Это просто невероятно. Но именно поэтому мы должны напрячь все силы, чтобы выиграть войну.

21 ноября... Русские меня с ума сведут. В пяти минутах от нашей квартиры обоз застрял. Вытащить все наши повозки стоило невероятных усилий. В конце концов, обозлившись, я швырнул одного русского в воду. Мы не понимаем этих парней и тогда пускаем в ход кнут.

Русские прорвались, немецкие мотовойска непрерывно движутся обратно через Дон. Говорят, что русский уже в Бузиновке. Роммель в Африке вынужден всё время отступать. Лучше всего было бы отказаться от Африки и попытаться добиться решения здесь. Горе нам, если мы проиграем эту войну.

22 ноября... Мы находимся в состоянии повышенной боевой готовности. Русский здорово нажимает.

24 ноября... Русские прорвались к Калачу. С юга к Сталинграду движутся русские танки. Несколько танков видели под Карповкой. Мы вышли ночью через Питомник — Россошку — Алексеевский в Дмитриевку. На рассвете, наконец, добрались до Россошки. Бесконечные отступающие автоколонны.

Утром добрались до Гумрака. Там настоящая паника. Из Сталинграда движутся непрерывным потоком автомашины и обозы. Дома, продовольствие и одежда сжигаются. Говорят, мы окружены. Вокруг нас рвутся бомбы. Затем приходит сообщение, что Калач, захваченный было немцами, снова в руках у русских. Против нас выставлено будто бы 18 дивизий. Многие повесили головы. Некоторые уже твердят, что застрелятся... Возвращаясь из Карповки, мы видели части, которые жгли одежду и документы...

25 ноября... По моему мнению, мы всё ещё окружены. Циркулируют самые дикие слухи. Русские будто бы захватили свыше 300 немецких отпускников.

Я вовсе не боюсь, но просто вижу вещи не в таком розовом свете, как нам их изображают. Неудачи в Африке, и здесь дело дрянь.

26 ноября. Кольцо вокруг нас сжимается. В сводке верховного командования сообщают лишь об одном прорыве на Донском фронте. Но нас так

часто пичкали вздором, что лишняя порция лжи значения не имеет...

28 ноября. Румыны всё время являются в наш овраг; эти подлецы исключительно вороваты. Иногда им здорово достаётся. От этих молодчиков можно с ума сойти. Я не пропускаю никого из них через наш овраг. Румынских офицеров также. Некоторые пробовали протестовать, но я был твёрд.

29 ноября. С румынами продолжается прежняя история. Они всё время высматривают, что бы им стащить. Я снова отколотил несколько человек из них.

30 ноября... Вечные раздоры с румынами. Они воруют без конца. Не успеешь отнять у них украденное, как эти мошенники опять уже что-нибудь стибрят.

4 декабря. Вдали слышна сильная артиллерийская стрельба. Окружение будто бы ликвидировано. Интересная беседа с одним немцем из Румынии о положении вещей в Румынии и Венгрии. Немцев в обеих странах не любят, и им приходится много терпеть.

8 декабря... Майор в ужасе от состояния лошадей. Как теперь справляться с транспортом? Русский сбил сегодня два наших «Ю-88». Мы всё ещё окружены.

9 декабря... В одной листовке, обращенной к офицерам в районе Сталинграда, русские предлагают им сдаваться вместе с их подразделениями.

10 декабря... Снова распространяются самые дикие слухи, будто бы Гитлер радировал, что до рождества он нас освободит, а русские генералы со своей стороны заявили, что они своих войск больше отсюда не отведут. Сегодня ещё три «Ю-88» упали, пылая, на землю.

11 декабря. Русские летчики очень дерзки. Сбрасывают листовки и бомбы...

12 декабря... Русские самолёты делаются всё более дерзкими. Обстреливая нас из авиапушек, сбрасывали также бомбы замедленного действия. Фогт убит. Кто следующий?

16 декабря... Говорят, что в ближайшее время окружение будет ликвидировано...

20 декабря... Кроме Фогта, убиты еще Берхтольд и Рункель. Ранены: Фольц, Гинрас, Буше, Кох. Из 15 человек, командированных 3 ноября в полевую запасную роту, выбыло из строя уже семь. Когда придёт наш конец?

21 декабря... Узнаю, что ранены также Мурр, Шаум, Симон П. Всего выбыло из строя 11 человек — 73%. Русские снова сбрасывают листовки, в которых говорится о бегстве офицеров.

22 декабря. Сегодня русский поджёг один из наших «Ю-52»... Сейчас только что стемнело, и «кофейные мельницы» опять тут как тут. Их встречает настоящий шквал огня, но у них, повидимому, броня толстая.

Русские снова прорвались; говорят, они уже под самым Миллеровым.

25 декабря... Несколько дней назад недалеко от нас пленные одного лагеря убили караульных и все бежали.

29 декабря. Манштейн, который спешил к нам на помощь, говорят, сам окружён. Люди немного приуныли. Поражение будет гибелью для Германии.

30 декабря. Настроение ухудшается. Наша дивизия сдаёт часть своих вещей. Что это значит? Не расформировывают ли нашу дивизию? В 208-м пехотном полку русские прорвались. Мы здорово голо-

даем. Едим только конину. Сколько времени будет ещё длиться окружение?

1 января 1943 г. Сегодня пришёл Гаммер с сообщением, что всех русских пленных приказано расстрелять.

3 января... Сегодня начальник сообщил нам, что из парков почти все откомандировываются в пехоту. У людей настроение подавленное. С одним солдатом я имел серьёзный разговор. Он хочет при первой атаке русских пустить себе пулю в лоб...

Сегодня вернулся один из строительной роты. Он был у русских, его продержали два дня, хорошо с ним обращались, кормили, а потом отпустили, сказав, что через две недели они нас всех заберут.

5 января. У нашей дивизии есть кладбище под Сталинградом, где похоронено свыше 1000 человек. Это просто ужасно. Людей, направляемых сейчас из транспортных частей в пехоту, можно считать приговорёнными к смерти.

6 января... Сегодня получен приказ о том, что я командируюсь в 208-й гренадерский полк.

10 января. Ночью кончился срок ультиматума, поставленного нам русскими. Мы все должны сдаться, и нам тогда обещают хорошее обращение. Офицеры могут даже сохранить своё личное оружие. Но наше командование не согласилось на это... Русский стреляет теперь изо всех видов оружия и сбрасывает много бомб.

11 января. Русские вклинились в нашу оборону. Вчера вечером была тревога. Беда с румынами. Они не хотят принимать участия в боях. Одного пришлось полтора километра почти тащить на себе, так как он всё время нарочно падал. Чертовский беспорядок и неорганизованность, ничего не подготовлено.

12 января. Сидим в потребе. Очень скудный свет. Русские снова перешли через шоссе. Через несколько часов начнётся. Получили пополнение из артиллерии: 2 унтер-офицера и 22 солдата.

13 января. Русские снова стали энергичны. Когда вчера днём я был у подполковника Эйхлера, пришло сообщение, что наша 9-я рота окружена. Мы немедленно отправились в путь. Доставить парней на передовую было невероятно тяжело. По дороге один румын всё время упирался. Я толкал и бил его. В конце концов он упал, а я был так утомлён, что бросил его. Жалкие сволочи. Румыны невероятные воры. Мы устроились в неплохом блиндаже, но вдруг пришёл нелепый приказ подняться на железнодорожную насыпь. Это означало для нас верную смерть, так как там не было никакого укрытия. Русские были от нас в 80 метрах. Некоторые из наших здорово трусят. Один решил устроиться поудобней и стал у пулемёта другого подразделения; всё это только для того, чтобы не продвинуться еще на 20 метров.

14 января. В соседнем с нами артиллерийском расчёте выбыло вчера из строя свыше двадцати человек, и русские прорвались там. Люди бросили свои пулемёты, фельдфебель Янсен с остатками своего взвода отошёл. У него большие потери. В моём взводе осталось всего 10 человек. Сегодня 1 убитый, 6 раненых... Наша артиллерия стреляет по нашим же рядам, а в то же время из-за недостатка боеприпасов артиллерии не разрешается много стрелять. Три четверти нашей роты выбыло из строя; прибыло пополнение из 9 сапёр. Холодно и голодно. К сожалению, на ротном командном пункте закусывают иногда сверх программы.

15 января. Сколько времени будем мы ещё влачить это жалкое существование, и будет ли вообще когда-нибудь лучше? Нас всё время подкарауливает враг. Один другому желает смерти. Так как мы в окружении и нам нехватает боеприпасов, то мы вынуждены сидеть смирно. Выхода из котла нет и не будет.

Время от времени вокруг нас рвутся мины...»

(На этом дневник обрывается)

Из дневника офицера Ф. П. 8-го легкого ружейно-пулеметного парка 212-го полка.

6. НЕМЦУ ПРИХОДЯТ В ГОЛОВУ «СТРАННЫЕ» МЫСЛИ

«...У нас здесь дела неважные, еды очень мало: буханка хлеба на три человека на два дня и очень скудный обед. С какой охотой я поел бы сейчас болтушки, которой дома кормят свиней. Хоть бы разок наесться досыта, мы все здесь страшно возмущаемся... У нас опять очень много обморожений. За последнее время нам пришлось пережить много тяжёлого. Из нас, стариков, бывших в Швейднитце, в живых осталось не больше 20 человек, а что касается молодого пополнения, то с ними едва успеваешь познакомиться, как они уже исчезают. С меня, во всяком случае, всего этого достаточно. Хоть бы война поскорей кончилась...»

Из письма ефрейтора Рихарда Круг, п/п 21632, брату. 29.XII 1942 г.

«...Нервы мои окончательно сдали. Это и неудивительно: день и ночь только и слышишь, что стрельбу и снова стрельбу. И хуже всего то, что не знаешь, каковы наши перспективы, придёт ли помощь

или нет. Скажу тебе откровенно: если нас в течение января не освободят, то мы с тобой, наверное, никогда больше не увидимся... Надеюсь, зима не будет слишком суровой, иначе горе нам, покинутым...»

Из письма штабс-фельдфебеля И. Реослер, п/п 01513, жене. 31.XII. 1942 г.

«...Дни, переживаемые нами сейчас, ужасны. Но, несмотря на это, тебе не следует обо мне беспокоиться. Всё равно, никто мне не поможет. Как чудесно могли бы мы жить, если бы не было этой проклятой войны! А теперь приходится скитаться по этой ужасной России, и ради чего? Когда я об этом думаю, я готов выть от досады и ярости...»

Из письма обер-ефрейтора Арно Беец, 87-й артиллерийский полк 113-й пехотной дивизии, п/п 28329 Д, невесте. 29.XII.1942 г.

«...За эти дни наше положение ещё ухудшилось. Письмо от 15.XII я тебе писал на огневой позиции, теперь я на передовой позиции, где находится бо́льшая часть нашего подразделения. Я опять санитар. Перевязочных материалов нет, а больных — человек 50. В сущности говоря, мы все больны. Хуже всего вши. Кожи у меня скоро совсем не будет видно, всюду гнойная сыпь; если в ближайшее время не наступит улучшения, я покончу с собой. К тому же такое скудное питание. Утром и вечером по бутерброду, а на обед — водичка вместо супа. Это длится уже четыре недели; многие так ослабели, что не могут подняться и с трудом дышат, вдобавок делается всё холоднее. Если нас скоро не сменят, то мы все подохнем. В животе бурчит, вши кусают, ноги обморожены. Я духовно и физически конченый че-

ловек. О нашем отступлении я тебе писать не могу, это завело бы меня слишком далеко... Какое у нас настроение, я думаю, ты можешь себе представить. На улучшение нет никакой надежды, более вероятно, что нас сцапают русские. Быть теперь больным или раненым ужасно, отсюда их не вывозят, а убежища в катастрофическом состоянии. Нас здесь, в маленькой комнатушке, величиной с нашу кухню, 20 человек; лежим на полу, совершенно завшивленные, шевельнуться невозможно, с нами вповалку раненые. А ночью являются русские бомбардировщики и поджигают оставшиеся несколько жалких лачужек; описать всё это злополучие невозможно. Если бы хоть не было вшей и голода. Войне пора кончиться, но я в это мало верю; мы будем сражаться, пока последний человек не подохнет. Это у нас называется «геройской смертью». Здесь делаешься таким грубым и бесчувственным. Мертвецы—повседневное зрелище; испытывать сострадание мы разучились, любви больше не требуется, остались только животные инстинкты, жрём мы и живём все, как свиньи. Рубаха у меня коробится от грязи и крови.

Муки мы здесь терпим неописуемые. Сегодня утром я сделал обычный обход: три человека лежат совершенно без сил и заговариваются. И все по уши в грязи, масса гнойных ран, а перевязывать нечем. Ещё две недели, и мы все сдохнем. Сегодня нас обстреливают целый день. Надеюсь, что они не попадут в нашу жалкую хибарку. Несмотря на злополучное положение, в котором мы находимся, люди воруют друг у друга. Нет смысла писать тебе больше об этом; ты всё равно не в состоянии себе представить, каково это в действительности. Я погиб. Вши, вши... Тысяча проклятий, это ад, хуже ничего быть не может. Так живём мы со дня на

день и надеемся на освобождение. Завтра от нас опять отправляется один взвод в пехоту, — изголодавшиеся люди должны воевать...»

Из письма ефрейтора Роберта Ян, п/п 18039 С, невесте. 27.XII.1942 г.

«...С нашей точки зрения положение всё то же; правда, каковы планы нашего командования, мы не знаем, да это и хорошо. Итак, мы должны терпеливо ждать, пока не наступит изменение, хотя мы уже пять недель находимся в этом неприятном состоянии. Думаю, что это время не пройдёт бесследно ни для одного солдата. Солдаты теперь по-иному думают...»

Из письма ефрейтора Э. Тамме, п/п 33123, жене. 28.XII. 1942 г.

«...Часто задаёшь себе вопрос: к чему все эти страдания, не сошло ли человечество с ума? Но размышлять об этом не следует, иначе в голову приходят странные мысли, которые не должны были бы появляться у немца. Но я спасаюсь, что о подобных вещах думают 90% сражающихся в России солдат. Это тяжёлое время наложит свой отпечаток на многих, и они вернутся домой с иными взглядами, чем те, которых они придерживались, когда уезжали. Что принесёт нам новый год? Хоть бы какой-нибудь просвет, но на нашем горизонте заря и не брезжит, и это действует на нас, фронтовых солдат, подавляюще...»

Из письма ефрейтора Альбрехта Оттен, п/п 32803, жене. 1.I. 1943 г.

«...Пребывание на фронте здесь, в России, способствует полному изменению прежних взглядов. У нас положение всё то же. Если бы нас хотели вывести

отсюда, то это можно было бы уже сделать, но тогда, конечно, полетела бы к чорту большая часть наших летних успехов, наши надежды на взятие Сталинграда и, кто знает, что получилось бы на Кавказе. Только людей у нас делается всё меньше и меньше. Несколько человек из наших уже откомандировано в пехоту. Кто знает, не предстоит ли это нам всем...»

Из письма солдата Гаубольд, п/п 32803, жене. 31.XII. 1942 г.

«...Ты удивляешься, как мне пришло в голову писать о плене. Видишь ли, я, по всей вероятности, тогда уже предчувствовал, что нам предстоит, а по тому, как складываются сейчас обстоятельства, не исключена возможность, что мы действительно попадём в плен. Ты, конечно, совершенно права, надо молить всевышнего, чтобы он не допустил до этого, но не мешает думать обо всём, в особенности в теперешнем положении. А относительно того, что из плена никто не возвращается, скажу одно: не будем смотреть на вещи так мрачно. Вспомни, сколько народу было в плену в России в первую мировую войну, и они ведь вернулись...»

Из письма обер-ефрейтора Иоганнеса Пешель 261-го пехотного полка 113-й пехотной дивизии, п/п 12532 Д, невесте. 27 XII.1942 г.

IV

Бесславный конец 6-й немецкой армии

1. «НАВСТРЕЧУ КАТАСТРОФЕ»

«...**7 января 1943 г.** Отправляем главному командованию сухопутных сил радиограмму: «Идём навстречу катастрофе». Почти нет продовольствия, мало боеприпасов и горючего. Дело дошло, повидимому, до точки. Вопрос: что скажет фюрер на это? В своём новогоднем обращении он заявил: мы можем быть уверены, что он сделает всё, чтобы освободить нас из окружения.

10 января ...Как и следовало ожидать, русские предприняли мощное наступление против окружённых частей. После открывшейся ещё на рассвете артиллерийской подготовки они начали массированную атаку в трёх местах. На западе, юге и северо-востоке пехотинцы, в основном, удержали линию нашей обороны. На западе прорыв удался ...Конечно, и в воздухе «красные» были представлены большим количеством самолётов. Не могу только понять, почему так мало наших самолётов. Ведь наша пози-

ция ключевая, и с нашим падением падёт весь Южный фронт, включая Кавказ.

11 января. Вчера было распоряжение быть готовыми к внезапной смене позиций. С собой разрешается брать только самое необходимое для работы и личных нужд. Несмотря на то, что сегодня день и ночь летали наши «Юнкерсы», они привезли всего 48 тонн продовольствия, 24 кубических метра горючего и две тонны боеприпасов. Горючего хватит сегодня только до 12 час. дня, а там опять ни капельки. О боеприпасах и говорить нечего.

15 января. Фронт за последние дни рухнул. Всё брошено на произвол судьбы. Никто не знает, где находится его полк, его рота, каждый предоставлен самому себе. Снабжение остаётся попрежнему скверным, так что момент разгрома оттянуть нельзя. Куда ни глянь, всюду невероятные мучения. На западе и на юге кольцо сильно вдавлено. Территория, которую мы занимаем, значительно уменьшилась после того, как для выпрямления фронта мы отодвинули в тыл многие позиции.

Нашей авиации в последние дни не видно и не слышно. Сегодня утром, правда, летали «Ю-87» и истребители, но русских они не атаковали. В последние дни бывает так: нас атакуют шесть или девять «СБ-2» или «Ил-2» с двумя-тремя истребителями. Не успеют исчезнуть, как выплывают следующие и низвергают на нас свои бомбы. На каждой машине по две-три штучки (тяжёлые бомбы). Эта музыка слышится постоянно. Ночью как будто должно бы быть спокойней, но гуденье не прекращается. Эти молодцы летают иногда на высоте 50—60 м, наших зениток не слышно. Боеприпасы израсходованы полностью. Молодцы стреляют из авиапушек и сметают наши блиндажи с лица земли.

С сегодняшнего утра Питомник тоже в руках у русских.

Проезжая через Гумрак, я видел толпу наших отступающих солдат, они плетутся в самых разнообразных мундирах, намотав на себя всевозможные предметы одежды, лишь бы согреться. Вдруг один солдат падает в снег, другие равнодушно проходят мимо. Комментарии излишни!

17 января. Два дня тому назад капитан Бер (награждённый рыцарским крестом) был у фюрера с докладом. Фюрер приказал: держать Сталинград до последнего выстрела. О капитуляции и речи быть не может.

Но что будет, когда не останется ни одного патрона?

Мы поддерживаем теперь непрерывную связь с главным командованием сухопутных сил. Положение настолько плохое, что если не быть большим оптимистом, то можно притти в отчаяние.

18 января ...В Гумраке вдоль дороги и на полях, в блиндажах и около блиндажей лежат умершие от голода и затем замерзшие немецкие солдаты.

Немецких транспортных самолётов прилетело очень мало.

19 января. Паулюс послал фюреру радиограмму примерно такого содержания:

«Крепость нам больше не удержать. Умершие с голоду, раненые и замёрзшие немецкие солдаты валяются по дорогам. Поэтому я приказал: 1. Организованно пробиваться на юго-запад. 2. Прошу своевременно выслать самолёты для вывоза специалистов воздушным путём. Меня из этого списка прошу исключить».

Смысл такой, точного текста я не знаю.

Что решит фюрер?

Любая помощь может только замедлить развитие событий, но не спасёт нас от полного разгрома.

Сегодня ночью прилетел один «Кондор» и 17 «Хейнкелей-111». Это просто насмешка.

О еде нечего и говорить. Хуже всего, что нехватает тяжелых снарядов и горючего. У нас нет достаточно горючего даже для того, чтобы отвезти скромные запасы снабжения корпусу и дивизиям.

Письмо фюреру было отправлено в эфир сегодня, в 16.00. Когда мы двинемся? Путь будет тяжёл и утомителен, но это луч надежды во мраке здешних событий.

20 января. В 11.30 от Цейтлера пришел ответ на вчерашнюю радиограмму:

«Фюрер воздерживается пока от принятия решений. Первый и второй пункты он отклоняет. Майору Цитценин приказано вылететь к фюреру для доклада». В 3 часа генерал-полковник Паулюс отправил командованию сухопутных сил следующую радиограмму: «Предложенный вчера план уже нельзя провести в жизнь, так как части настолько обессилены, что неспособны к такому маршу. Единственный выход теперь — превратить Сталинград в крепость и снабжать её с воздуха».

Из дневника офицера связи, обер-лейтенанта Гергарда Румпфинг, 96-й пехотный полк 44-й пехотной дивизии.

2. «ПРЕДЪЯВЛЕН УЛЬТИМАТУМ»

«...**17 января.** 33° мороза. Красные войска прорвались на западе. Приказ: быть в боевой готовности. Русские сбрасывают листовки, предлагают сдаваться. Предъявлен ультиматум. На юге русские тоже прорвались. Положение весьма критическое. 40% наших

солдат нельзя больше считать боеспособными. Великие Луки отданы. Неужели Сталинград тоже хотят отдать? Русские бомбардировщики систематически бомбардируют Городище. Все провода, ведущие в дивизию, повреждены. Аэродром в руках русских. Сбрасываются парашюты с продовольствием. Два дня нет горячей пищи, только 50 граммов колбасы и маргарина в обед и вечером. Хлеба нет... Кольцо под Сталинградом сжимается всё сильнее. Мы все очень голодаем. В Городище из нашей дивизии лежат 2000 раненых.

18 января. 34°. Русские танки прорвались у орудийного завода им. Дзержинского. В 1-м дивизионе два офицера ранены. На западе сильные атаки. Там русские три раза проникали в расположение наших частей. Положение с питанием очень печальное. Парашюты с продовольствием сбрасываются над Городищем. Пехотинцы не получают хлеба и грабят. На обед — сухой паёк, на ужин — сухой паёк. Распоряжение: повозки уничтожить, секретные приказы также. На всякий случай готовимся к отходу. В сводке верховного командования говорится об ожесточённейших оборонительных боях в Сталинграде и на Кавказе.

19 января... Русские вводят в действие колоссальное множество людей и техники. Они наступают упорно и крупными силами. Наши боеприпасы приходят к концу. Положение очень неясное, никто не знает, что происходит. Русские лётчики очень активны. Вечером проводили беседу с солдатами о возможном отступлении.

20 января. На западе сильные атаки, в Баррикадах тоже. У Орловки прорвалось несколько русских танков. Мне сообщают, что завтра я перевожусь в 3-ю батарею.

21 января. Иду на наблюдательный пункт 3-й батареи. Ночью стою на посту. 50 г хлеба, 50 г мяса. Положение без изменений. Командный пункт полка выдвигается вперёд.

22 января. Ночь на посту. 50 г хлеба, колбасы нет. На западе до Гумрака всё занято русскими. Аэродром очищен. Ночью самолёты сбрасывают парашюты с бензином.

24 января. Приходят люди с запада, где прорвались русские. Все собираются в северной части Сталинграда. Зенитная артиллерия, пехота и т. д. Передний край оборонительной полосы проходит западнее Гумрака.

25 января. Ледяной ветер, 40° мороза. 4-й дивизион распущен. 3-я батарея выдвигается вперёд. Русские прорываются на западе. Приказ фюрера: Сталинград должен быть удержан. Наступление со стороны Маныча. Часть людей из 4-го дивизиона переводится в пехоту.

26 января. Утром меня откомандировывают в пехоту (в 6½ час.). Укладываю мой багаж. Иду во 2-й дивизион к старшему лейтенанту Макс. Но приказ опять отменяется. На дорогах стоят грузовики. Всё переполнено. Невероятный беспорядок. Раненые кричат и стонут, санитаров нет. На новой огневой позиции творится форменная неразбериха. Все пакуют свои вещи. Уничтожают солдатские книжки. Я также бросаю всё лишнее.

В сводке говорится о героической борьбе. Настроение — перебежать, капитулировать. Передовая линия — Городище.

29 января... Котел разделён на две части: на севере — генерал Штреккер, на юге — генерал-полковник Паулюс. В нашем котле два квадратных километра. Второй котел в десяти километрах южнее. Русские

бешеными темпами окапываются в Орловке. Их грузовики совершенно открыто ездят ночью с зажжёнными фарами. Танки обстреливают нашу высоту. Снайперы стреляют в нас из винтовок. Утешаю старшего лейтенанта Прелль, стараюсь внушить ему мужество. Вводятся офицерские патрули. Издан приказ по поводу грабежей.

30 января. Чудесная солнечная погода. Очень много русских самолётов. Одна воздушная атака за другой. Земля как вспахана. В 12.00 говорит Герман (Геринг). Мы остаёмся здесь, как нам приказывают. Никто не идёт нам на выручку. В 16.00 говорит Геббельс, мои товарищи по блиндажу выходят на передовую. Мне опять очень плохо...»

Из дневника неизвестного артиллерийского офицера.

3. «ПУСТЬ ГЕНЕРАЛЫ И ОФИЦЕРЫ САМИ ВОЮЮТ»

«...В последние дни солдаты часто говорят между собой о войне и её перспективах. Многие солдаты считают, что война для Германии проиграна. В беседах с товарищами я высказал мысль, что лучше пойти к русским в плен, чем здесь подохнуть с голоду...»

Из показаний пленного солдата Людвига Омарзиц, 7-я рота 524-го пехотного полка 297-й инженерной дивизии.

«...В нашем батальоне только за последние два дня мы потеряли убитыми, ранеными и обмороженными 60 человек, свыше 30 человек убежало, боеприпасов оставалось только до вечера, солдаты три дня совершенно не ели, у многих из них обморожены ноги. Перед нами встал вопрос: что делать? 10 ян-

варя утром мы читали листовку, в которой был напечатан ультиматум. Это не могло не повлиять на наше решение. Мы решили сдаться в плен, чтобы тем самым спасти жизнь нашим солдатам...»

Из показаний пленного капитана Курта Мандельгельм, командира 2-го батальона 518-го пехотного полка 295-й пехотной дивизии, и его адъютанта лейтенанта Карла Готшальта. 15.1 43 г.

«...Все на батарее — 49 человек — читали советскую листовку — ультиматум.

По окончании чтения я сказал товарищам, что мы — люди обречённые и что ультиматум, предъявленный Паулюсу, это спасательный круг, брошенный нам великодушным противником...»

Из показаний пленного Мартина Гандер.

«...В ночь на 28 декабря я вместе с 18 солдатами своего взвода слушал русскую передачу. Рупорист рассказывал о безнадёжном положении немецких войск, окружённых в районе Сталинграда, и призывал сдаваться в плен. Я, как бывший журналист, кое-что понимаю в пропаганде. Нужно отдать должное советской пропаганде: она глубоко действенна и бьёт прямо в цель. После передачи солдаты беседовали между собой. Некоторые из них сомневались в том, что в плену с ними будут хорошо обращаться и кормить. Но большинство солдат говорило, что сдаться в плен было бы лучшим выходом из создавшегося положения...»

Из показаний пленного солдата Отто Гофман, 4-я рота 672-го полка 367-й пехотной дивизии.

«...Я прочёл советскую листовку, и чувство подавленности и отчаяния, которое овладело мной в эти дни, дошло до предела. Я понял — наше дело конченое, надо сдаваться в плен, и я сам пошёл навстречу красноармейцам, чтобы скорее свершилось то, что стало неизбежным...»

Из показаний пленного солдата Фридриха Зальзугель, 534-й полк 334-й пехотной дивизии.

«...Я прочёл ультиматум, и жгучая злоба на наших генералов вскипела во мне. Они, повидимому, решили окончательно угробить нас в этом чортовом месте. Пусть генералы и офицеры сами воюют. С меня довольно. Я сыт войной по горло...»

Из показаний пленного ефрейтора Иозефа Шварц, 10-я рота 131-го пехотного полка 44-й пехотной дивизии. 11.I.1943 г.

«...Мы читали ультиматум и решили так: если у Паулюса нехватило разума выйти из затруднительного положения, в которое мы попали, то мы сами устроим наши дела. Я с товарищами условился остаться и ждать прихода русских. Мы сдались в плен, и для нас кончились все страдания, которые мы испытывали последние два месяца...»

Из показаний пленного солдата Карла Слезак, 41-й саперный батальон 16-й танковой дивизии.

«...Каждое слово ультиматума глубоко запало мне в душу. Я никогда не думал, что русские являются столь великодушными противниками, но это великодушие не оценено должным образом командованием 6-й армии. Конечно, им, сидящим в штабе, терять нечего. Если будет очень туго, они улетят на самолёте, а нам, солдатам, придётся погибать...»

Из показаний пленного обер-канонира Ганса Фурт.

«...Я прочёл в листовке, что Паулюс отклонил ультиматум; мне стало чертовски досадно. Хотелось бросить в лицо офицерам то, что накипело на душе. Мне хотелось крикнуть: «Убийцы, долго ли ещё будет литься немецкая кровь?..»

Из показаний пленного ефрейтора Адольфа Адет, 16-й стрелковый батальон.

4. «ПОЛОЖЕНИЕ БЕЗНАДЁЖНО»

«...Сегодня я хочу тебе сообщить, как мне живётся. Не знаю, дойдёт ли до тебя письмо, ведь большая часть писем проходит цензуру, и если говорить правду, то письмо задерживается и сам можешь за это поплатиться. Но сегодня мне всё безразлично. Как я тебе уже сообщал, с 21 ноября мы окружены. Положение безнадежно, только наши командиры не хотят в этом сознаться. Кроме пары ложек похлёбки из конины, мы ничего не получаем, а если и выдаётся иногда что-нибудь добавочно, то до нас это не доходит, оно исчезает у начальника и его компании. Ты этому не поверишь, но это так. Вам в газетах и по радио рассказывают всякие небылицы, а в действительности пресловутое фронтовое товарищество выглядит совсем иначе. Если бы я знал, что в плену со мной будут обращаться хотя бы так, как с отцом в 1914 г., я сейчас же перебежал бы. Опытный прядильщик или техник-специалист по прядильным машинам нужен и в России. Дай бог, чтоб я вернулся когда-нибудь домой, тогда я постараюсь открыть людям глаза на то, что на самом деле происходит на фронте. А тебя прошу: в будущем при сборах пожертвований, с которыми к тебе приходят,

вспоминай о моём письме. Это всё, что я хотел сообщить тебе сегодня. Надеюсь, эти строки дойдут до тебя; если нет, значит, я покончил счёты с жизнью, значит, меня поставили к стенке...»

Из письма унтер-офицера Р. Шварц, п/п 02493 С, жене. 16.I.1943 г.

«...**23 января.** Советы сжимают кольцо всё теснее. Тяжело раненые и обмороженные ползут на четвереньках по дорогам в направлении к Сталинграду. Солдаты падают без сил и закрывают глаза навеки. Снабжение продовольствием делается всё затруднительней. По приказанию обер-лейтенанта Роста сжигаются все секретные документы, секретные распоряжения и карты позиций. Настроение упало до нуля. Теперь уже никто не верит, что мы выйдем из этого окружения. Где наши освободители?..»

Из дневника неизвестного офицера.

«...**10 января.** Узнал от ротмистра фон-Дресслер подробности о нашем положении. Вчера вечером съел сразу всю порцию хлеба. Сегодня должен был быть опять голодный день. Но Флориан раздобыл кусок «и-го-го». Я, как мясник, тотчас же накинулся на него. Изжарил филе и хребтовую часть...

12 января... В 23 часа получаем сообщение, что русские прорвались у Орловки.

15 января... Русские танки и артиллерия обстреливают участок В.

19 января. Поспешно покидаем участок В...

24 января. Поспешно покидаем Городище. Русский в Гумраке. Едем шесть часов на грузовике. Без еды (жуткая поездка). Цель — Сталинград. Дороги забиты автоколоннами. Прибыли на место вечером. Разместились в холодном подвале. Очень холодно и голодно.

27 января. Главная линия сопротивления проходит у Сталинграда. Ежедневно тяжёлые оборонительные бои.

30 января. Г. Геринг произносит речь к армии. Видимо, на освобождение крепости Сталинград извне рассчитывать не приходится. Смысл его речи примерно таков: «Путник, когда ты вернёшься в Германию, расскажи, как мы боролись и умирали в Сталинграде, ибо так повелел нам закон».

Южная часть Сталинграда сдалась.

31 января. Тяжёлые оборонительные бои продолжаются.

1 февраля. Находимся в 30 метрах от врага. Положение безнадёжное.

2 февраля. В 7.30 наши парламентёры уходят вести переговоры о сдаче. Марш в плен через Орловку в Дубовку...»

Из дневника радиста Флориана Мюллер, 26-й танковый гренадерский полк.

5. «ИЗГОТОВЛЯЕМ БЕЛЫЕ ФЛАГИ»

«...**10 января 1943 г.** Враг наступает с жутким множеством войска. Прорыв нам не удался. Тревога.

14 января. Тревога. Русский прорвался у Карповки. По всей вероятности, нам придётся очистить квартиру.

16 января. Под открытым небом за Гумраком. Говорят, что войска, идущие нам на освобождение, достигли Калача.

17 января. Русские продолжают воздушные атаки. Немецких самолётов не видно ни одного.

23 января. Выезжаем из лощины восточней Гумрака, так как передний край обороны отодвигается назад. Целый день на лютом морозе.

24 января. Враг всё приближается.

1 февраля. Битва за Сталинград близится к концу. Враг громит ураганным огнём из орудий всех калибров. Самолёты являются соединениями по 36 штук. Сталинград как вспахан. Вечером наступает спокойствие. Изготовляем белые флаги.

2 февраля. Приходит русский парламентёр и предлагает сдаться. 40 минут на размышление. По истечении этого срока являются русские и забирают нас в плен. Согласно приказу фюрера мы должны были держаться до последнего человека...»

Из дневника ефрейтора Германа Машер, п/п 23008.

«...После боев на Северном Донце 297-я пехотная дивизия прошла с боями весь путь от Северного Донца до Волги, встречая повсюду ожесточённое сопротивление русских, и заняла оборону в районе южнее Сталинграда. Здесь дивизия и находилась всё время в обороне, пока не попала в окружение. В связи с недостатком боеприпасов и питания положение частей дивизии, как и всей окружённой группировки, становилось с каждым днём всё хуже. Но настроение солдат и офицеров вначале было на должном уровне, они ещё надеялись на приход помощи и на победу у Сталинграда.

21 ноября 1942 г. я узнал об обходном движении русских войск от Дона в направлении Волги и о глубоком прорыве ими нашей обороны. Но я надеялся, что немецкие войска скоро наведут порядок и не дадут русским продвинуться дальше.

Прошлой зимой во время наступления русских нам удавалось системой опорных пунктов сдерживать и отбивать наступление русской пехоты. Совершенно другое положение получилось теперь, в ян-

варском наступлении русских. Перед началом наступления пехоты и танков они провели мощное артиллерийское наступление, в результате которого были уничтожены наши узлы сопротивления и опорные пункты и русская пехота получила возможность двигаться расчленённым порядком, неся меньшие потери и охватывая большой участок фронта. Сдержать наступление русских было невозможно потому, что людских резервов у нас было мало: Сталинград съел наши резервы.

10 января 1943 г. началось сильное наступление на нашу крепость. Положение становилось критическим. Русские со всех сторон сбивали наши части с линии обороны и теснили их на восток. Между 12—15 января я узнал от офицеров, что русское командование предъявило ультиматум, а через несколько дней нашёл русскую листовку, в которой был напечатан этот ультиматум на имя командующего 6-й немецкой армией генерала фон-Паулюса. Объективно должен сказать, что я нашёл этот документ лойяльным и деловым, он открывал путь к капитуляции.

Положение наше становилось всё более сложным, и в ночь с 24 на 25 января генерал Пфеффер издал приказ о том, что каждый командир полка и дивизии должен сам принимать необходимые решения в зависимости от обстановки, вплоть до сдачи в плен.

25 января утром, после сильной артиллерийской подготовки из орудий всех калибров, русская пехота при поддержке танков пошла в атаку; одновременно с пехотой и танками в атаку пошли отряды кавалерии. В этот момент моя дивизия занимала оборону севернее железной дороги. Русские танки прорвали левый фланг и вместе с отрядами пехоты и группами автоматчиков на танках ворвались в глубину

обороны и расчленили части дивизии. Командир 523-го пехотного полка подполковник Линдов был отрезан. Он со своим полком сдался в плен. Командир 524-го пехотного полка полковник Пиккель пришёл ко мне в штаб доложить о создавшемся положении; после доклада он пошёл в полк, но скоро вернулся обратно, заявив, что не может пройти к себе, ибо там уже находятся русские. 25 января в 15.00 русские танки прорвались в глубину обороны и стреляли из орудий и пулемётов по дому, в котором находился штаб дивизии. Опасность была очень велика. Я думал, что высшее командование не знает о создавшемся положении. Я принял решение и послал своего офицера, лейтенанта Грайфенгаген, к русским в качестве парламентёра. Через пять часов он вернулся вместе с группой русских офицеров. Командование русских приняло наше предложение о сдаче и обусловило порядок сдачи.

Со мной сдались 20 офицеров и 300 солдат, находившихся в этом месте

Так кончили своё существование 297-я пехотная дивизия и многие другие дивизии, окружённые в районе Сталинграда.

Превосходство русских в артиллерии, танках, авиации, боеприпасах и в людских ресурсах — вот важнейшая причина катастрофы немецких войск под Сталинградом.

Русские танки действовали очень хорошо, особенно танки Т-34. Большой калибр установленных на них орудий, хорошая броня и большая скорость придают этому типу танков превосходство над немецкими танками. Русские танки тактически в этих последних боях применялись хорошо. Пехота действовала в полном взаимодействии с танками. Русские применяют практику посадки на танки стрелков и авто-

матчиков, это мероприятие требует очень смелых людей, но оно даёт прекрасные результаты.

Артиллерия действовала хорошо. Можно сказать, что у неё было неограниченное количество боеприпасов, об этом свидетельствовал сильный и очень плотный огневой налёт артиллерии и тяжелых миномётов. Тяжёлые миномёты оказывают сильное моральное воздействие и наносят большое поражение.

Авиация действовала большими группами и очень часто бомбила наши обозы, склады боеприпасов и транспорт.

В кольце, говорят, у нас осталось 120—130 тысяч. Потери были большие, о них говорить не приходится, так как мы потеряли убитыми, ранеными, обмороженными и пленными, а также и вооружением — всё, что у нас было...»

Из показаний пленного генерал-майора Морица Дреббер, командира 297-й пехотной дивизии.

6. «ТО, ЧТО ПРОИЗОШЛО В СТАЛИНГРАДЕ, НАВЕРНОЕ, ПОВТОРИТСЯ ЕЩЁ НЕ РАЗ»

«...Ты не можешь себе представить, как был удручён весь народ, когда по радио объявили, что 6-я армия вынуждена была сдаться. Люди плакали на улицах...»

Из письма родных (Баден) солдату Иоганну. 3.II.1943 г.

«...Судьба 6-й армии ужасна! Никогда ещё, наверное, не случалось, чтоб была уничтожена целая армия...»

Из письма Анны Арено (Рейн, Ганновер) брату, ефрейтору Гейнцу Шеффер, п/п 18933. 4.II.1943 г.

«...От брата Адама мы всё ещё не имеем сведений. Мы очень о нём беспокоимся. Думаю, что сталинградских солдат могли ожидать только три вещи: смерть, плен или ранение. Когда мы выслушали сообщение, то были вынуждены признать, что ничего подобного мир никогда ещё не переживал...»

Из письма Гертруды Фишбах (Битбург) брату, унтер-офицеру Иоганну Фишбах, 124-й пехотный полк 72-й пехотной дивизии, п/п 10020 С. 12.II.1943 г.

«...Участь наших солдат под Сталинградом потрясла меня. Сегодня об этом сообщили по радио. Эта война. Я всё время думаю об одном: скорее бы она кончилась...»

Из письма Лизель Гик (Шпейер) жениху, унтер-офицеру Отто Оверст, п/п 24774 С. 3.II.1943 г.

«...У меня такое ощущение, будто мозг отказывается работать. Все мысли сосредоточены на одном. Полагаю, что в Германии нет ни одного человека, который не думал бы о том же. Целыми днями слушали мы радио в надежде услышать что-нибудь хорошее, но наши надежды не сбылись. Сегодня совсем печальный день. Никогда я ещё не видела людей такими мрачными, как в эту последнюю неделю...»

Из письма Марг. Брабендер (Радеформвальд) мужу, обер-ефрейтору Паулю Брабендер, п/п 10879 Д. 3.II.1943 г.

«...Уже 11 час. ночи, но я ещё не легла. Наше положение на Востоке, ужасные бои и конец Сталинграда не дают никому спокойно спать. Когда же кончится эта безумная борьба?..»

Из письма Анны мужу Фридриху. 3.II.1943 г.

«...То, что случилось под Сталинградом, не даёт никому ни минуты покоя. Ах, хоть бы кончилась поскорей эта колоссальная, жуткая бойня!..»

Из письма Эм. Крэмер (Мурр, Вюртемберг) сыну, обер-ефрейтору Курту Крэмер, п/п 05249, 3.II. 1943 г.

«...До завтрашнего дня у нас народный траур — борьба в Сталинграде окончена. Это самый тяжёлый удар с начала войны; сейчас и на западном Кавказе идут тяжелые бои. Теперь призываются, кажется, последние остатки!..»

Из письма Хельги Штейнкоглер (Штейнах) врачу Альберту Поппи, п/п 36572. 5.II.1943 г.

«...Сталинград вызвал у нас более чем серьёзное настроение. Всё забывается быстро, печальное и весёлое, но Сталинград приковал к себе все наши мысли, мы думаем о нём день и ночь...»

Из письма Гертруды Симон (Хольцвикеде, Вестфалия), мужу, фельдфебелю Фрицу Симон. 6.II.1943 г.

«...Случилось то, чего мы все так опасались. Глубоко потрясённые, узнали мы об окончании борьбы за Сталинград. Всех это страшно потрясло, встряхнуло даже тех людей, которые до сих пор ещё не отдавали себе отчёта в серьёзности положения. Когда ужасное сообщение передавалось по радио, мы не могли удержаться от слёз. И так было, наверное, со многими, не говоря уже о тех, кто имеет там близких людей...»

Из письма А. Штеффен (Штаргард, Померания) обер-лейтенанту Ульриху Шварц, п/п 29595, 11.II. 1943 г.

«...Все повесили головы, особенно после печального конца в Сталинграде...»

Из письма Штадлера (Штейнбах) солдату Иоганну Шварцмюллер, 2-я рота 1-го батальона 216-го пехотного полка 86-й пехотной дивизии, п/п 18147 С. 18.II.1943 г.

«...Трагедия под Сталинградом произвела на всех солдат гнетущее впечатление.

Солдаты между собой говорят, что полтора года ожесточённой борьбы с русскими пошли одним махом насмарку. Сколько жертв и лишений оказались напрасными, сведёнными к нулю! Победа Германии не приближается, а всё более отдаляется в туманные дали...»

Из показаний пленного ефрейтора Курта Шмидт, 6-я рота 338-го пехотного полка 208-й пехотной дивизии. 22.II. 1943 г.

«...Гибель 6-й армии под Сталинградом является такой брешью в германском фронте и людских резервах, залатать которую весьма трудно...»

Из показаний пленного ефрейтора Ганса Розен, 1-я рота 317-го пехотного полка 211-й пехотной дивизии.

«...Настроение моё и моих товарищей в связи с извещением о Сталинграде подавленное, граничит с безразличием к исходу войны. Многие солдаты раньше горячо желали и твердо верили в победу Германии. Но последние удары заставили нас призадуматься, возможна ли ещё для Германии победа...»

Из показаний пленного ефрейтора Альфреда Зайденштюккер, 3-й батальон 590-го пехотного полка 321-й пехотной дивизии.

«...После несчастья под Сталинградом мы начинаем сомневаться, сможет ли немецкое командование справиться со штопкой дыр, которые образовались на русском фронте. Нехватает сил. Солдаты воевать не хотят. Мы упали бы на колени и сказали бы: «слава богу», если бы война кончилась...»

Из показаний пленного обер-фельдфебеля Курта Радцувайт, 6-я рота 179-го артиллерийского полка 79-й пехотной дивизии.

«...Теперь все солдаты страшно боятся попасть в окружение, как это случилось с немецкими частями на Кавказе и под Сталинградом...

...Последнее время возросло число солдат, не верящих в победу Германии...

...Больше всего на солдат произвела впечатление гибель 6-й армии под Сталинградом...»

Из показаний пленного обер-ефрейтора Готфрида Цюллек, 1-я рота 317-го пехотного полка 211-й пехотной дивизии. 22.II.1943 г.

«...Операция по окружению и ликвидации 6-й немецкой армии является шедевром стратегии. Поражение немецких войск под Сталинградом окажет большое влияние на дальнейший ход войны. Чтобы восполнить колоссальные потери в людях, технике и военных материалах, понесённые германскими вооружёнными силами в результате гибели 6-й армии, потребуются огромные усилия и много времени...»

Из показаний пленного генерал-лейтенанта Александра фон-Даниэль, командира 376-й немецкой пехотной дивизии.

«...Если б только война с Россией кончилась, чтоб не было больше Сталинградов!..»

Из письма Доры Губер (Иллертиссен) мужу, ефрейтору Максу Губер, п/п 12657 В. 7.II. 1943 г.

«...У нас до сегодняшнего дня были закрыты все театры, кино, варьете и другие увеселительные места. То, что произошло в Сталинграде, наверное, повторится ещё не раз; русские, повидимому, держат наготове всё своё вооружение — и танки, и людей...»

Из письма Маргариты Рихтер (Берлин) мужу, ефрейтору Вильгельму Рихтер, п/п 11394. 7.II.1943 г.

СОДЕРЖАНИЕ